Бег крысы через лабиринт

Антон Моисеевич Фарб

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нуар-киберпанк.

- Антон Фарб
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Антон Фарб
Бег крысы через лабиринт

1

Паноптикум инженера Моро своим внутренним убранством напоминал нечто среднее между моргом и лабораторией безумного доктора Франкенштейна. Грязно-голубой кафель стен, лужицы розовой воды на полу, лиловый свет хирургических юпитеров, укрепленных на кронштейнах под потолком, гулкая тишина и запах карболки… Официанты в зеленых балахонах и белых марлевых намордниках катили перед собой передвижные столики из нержавейки, тихо попискивающие резиновыми колесиками. На столиках были расставлены бокалы с коктейлями и эмалированные тазики, в которых отмокали скальпели, ланцеты, элеваторы, трепаны, ретракторы, шпатели, канюли, костные пилки и прочие антикварные инструменты: некоторые были совсем новые, сверкающие никелем, но большинство острых железок покрывали шершавые пятна засохшей крови.

Вдоль стен стояли корытообразные прозекторские столы из дырчатого листового металла. На столах — блюда с тартинками, вазы с пуншем, склянки с формальдегидом, в которые плавали глазные яблоки, кисти рук и слабо пульсирующие сердца. Над столами, приклеенные к кафелю скотчем, висели анатомические плакаты с освежеванными торсами и жестикулирующими скелетами, цирковые афиши Финеаса Т. Барнума и постеры Бориса Карлоффа, потрепанные репродукции Гойи, Веласкеса и Босха. В застекленных шкафчиках радостно скалились лакированные черепа и плавали в колбах заспиртованные эмбрионы.

Само пространство паноптикума было превращено в лабиринт при помощи складных полиэтиленовых ширм, натянутых на трубчатые каркасы. Окружая центральный операционный театр, ширмы образовывали множество крошечных закутков, заполненных смотровыми креслами, аппаратами искусственного дыхания, баллонами с кислородом, рентгеноскопами, осциллографами, штативами для капельниц и столиками для лекарств, доверху забитыми контрацептивами всех разновидностей.

В одном из таких уголков, взгромоздясь на гинекологическое кресло и возбужденно дыша, баронесса Элеонора фон Штольц распахнула перед Касианом свою блузку, высвободив тяжелые, идеальной каплевидной формы груди.

— Тебе письмо от баронессы фон Штольц, — сказала Инга, выудив из вороха счетов плотный конверт из мелованной бумаги.

Касиан медленно развернулся в кресле.

— Это случайно не та стерва, у которой суицид-салон на авеню Агони? — спросила Инга и всем своим видом (тонкая фигурка в строгом жакете, черные блестящие волосы стянуты в тугой узел на затылке, аэродинамически плотно облегая череп, длинные нервные пальцы с черным маникюром и изломанная в вечной насмешке бровь) выразила отвращение к подобным учреждениям.

Касиан молча вспорол конверт церемониальным скальпелем. Внутри оказался прямоугольник из жесткого картона с золотым обрезом и тиснеными виньетками в форме двойных спиралей.

— Она же вдова железнодорожного барона в третьем поколении. Зачем ей содержать этот кровавый бордель? — задумчиво сказала Инга. — И что ей надо от тебя?

Касиан толкнул картонный прямоугольник по столу в сторону Инги.

— Приглашение на бал в честь открытия паноптикума инженера Моро? Какая мерзость! — сморщилась Инга. — Я надеюсь, ты не собираешься…

Касиан, смерив взглядом свою секретаршу, медсестру и ассистентку в одном лице (а также — свою лучшую работу за все время практики), крутанулся в кресле, перехватил скальпель за лезвие и отвел руку для броска в висящую на стене мишень для дартса.

— Фрак или смокинг? — вздохнула Инга.

Касиан был единственным, кто пришел на открытие паноптикума во фраке. Прочие гости инженера Моро были слишком богаты и влиятельны, чтобы придавать значение своей одежде.

Как это обычно и бывало на великосветских балах-хэппенингах, публика здесь собралась самая разношерстная. Среди гостей присутствовали: коннетабль Иностранного Легиона со свитой министериалов, пфальц-менеджер Опеля, кучка патлатых рок-гистрионов в потертых кожанках, гонфалоньер Ордена Сайентологов, недавно беатизированная кинозвезда неопределенного в данный момент пола, даймё Мицубиси, эмир Касбаха в компании какого-то турка и пары дюжих гулямов, прелат популярного телеканала и фотокуртизанка дома Ревлон… Подавленные мрачным экстравагантным интерьером, гости блуждали по лабиринту из ширм, переговаривались шепотом и шарахались от бутафорских причиндалов.

До того, как угодить в лапы баронессы, Касиан дважды безуспешно попытался завязать беседу с гостями. Аббат

Сорбонского университета счел его официантом и вложил ему в протянутую руку пустой бокал из-под шампанского. А синдик цеха программистов, нервно теребя запонки в виде старинных микросхем, промямлил что-то неразборчивое и тут же отвернулся. Видимо, он принял Касиана за одного из труверов, которые хищно рыскали по закоулкам паноптикума, очищая прозекторские столы от закусок и выдумывая сплетни для своих бульварных газетенок.

Единственным, кто сам искал компании Касиана, был уже порядком поддатый трувер из «Вога». Да и тот быстро осознал никчемность мишени и растворился в толпе. А потом Касиана заметила баронесса Элеонора фон Штольц…

Касиан был хирургом. Точнее говоря, он принадлежал к той странной касте пластических хирургов, что всегда обитала в сумеречной зоне между доменами официальной медицины, студиями имиджмейкеров и подпольными клиниками криминальных кланов. Касиан, вдобавок, не желал платить десятину ни тем, ни другим, ни третьим.

Несмотря на цеховой знак — древний цельнометаллический скальпель, который он носил в нагрудном кармане, Касиан никогда не являлся полноправным членом цеха врачей. Свою карьеру он начинал в нелегальной клинике, расположенной в заброшенной станции метро. Там, в грязи и антисанитарии, что и не снились дизайнерам интерьера паноптикума, он латал уличных ландскнехтов и вживлял импланты вольным информщикам низшей ступени посвящения. Это занятие приносило невысокий, но стабильный доход; однако Касиану этого было мало.

Благодаря нескольким случайным клиентам, по тем или иным причинам вынужденным избегать цеховых клиник, ему удалось вырваться из клоаки подпольной медицины и открыть вполне легальную частную практику. Тогда это казалось ему многообещающим началом; на деле это обернулось полным крахом. Содержать частную практику в корпоративном мире, где все и каждый стремились занять свое место в четкой иерархии цеховых табелей о рангах и носить на лацкане пиджака герб компании, было равнозначно балансированию на тонком лезвии скальпеля. Растеряв клиентуру из разряда люмпен-криминалитета, Касиан все еще оставался никому неизвестным выскочкой без имени и репутации, и потенциальные клиенты из высшего света его игнорировали.

Баронесса фон Штольц была исключением. Она содержала частный суицид-салон — разумеется, ради высокого искусства, а

не низменной тяги к обогащению — и считала, что все свободные художники должны поддерживать друг друга. Именно из-за ее изменчивых требований к собственной внешности Касиану удалось поставить практику на ноги; но стареющие телеса баронессы имели свой предел морфичности — пальпируя соски Элеоноры фон Штольц и прикидывая, выдержат ли молочные железы еще одну инъекцию карминного пигмента (этот цвет снова входил в моду), Касиан держался подчеркнуто холодно и искал повод поскорее отделаться от баронессы.

Удобную возможность предоставил ему сам инженер Моро, дав сигнал к началу дефиле.

В паноптикуме не было подиума, и инженер Моро решил выпустить своих кадавров прямо в зал операционного театра. Открывали парад-алле парочка карликов ростом не более полуметра — один, длинноносый, в кайзерском шлеме и мундирчике с эполетами, а другой с велосипедными усами и в наполеоновской треуголке — браво промаршировали сквозь толпу гостей и скрылись в лабиринте ширм.

Появление прочих уродов было обставлено более драматично. Один из официантов сдернул с лица марлевую маску и оказался миловидной девушкой с окладистой шкиперской бородкой. Бутафорский мешок для трупов, валявшийся на одном из столов для вскрытия, вдруг закопошился, вспучился, вжикнул молнией — и наружу выдралось безволосое, покрытое отвратительной слизью остроухое существо с длинными пальцами и острыми клыками. Колени носферату выгибались в обратную сторону, а от локтей до ребер тянулись кожистые складки; злобно шипя, он проковылял к ближайшей ширме, проткнул ее ороговевшими ногтями и разорвал, впуская в зал завязанного узлом человека-эластика, чьи руки были скручены за спиной на манер рукавов смирительной рубашки. Следом за ним в зале появился горбун-анацефал с вдавленным внутрь черепом, баюкающий на руках сиамских близнецов — сросшиеся от плеча до бедра золотоволосые девочки в розовом платьице были похожи на бракованную куклу Барби. Жеманный гермафродит, завернувшийся в простыню на манер тоги, катил перед собой тачку с безруким и безногим обрубком. У того не было ушей, зато ноздрей было целых три; он обкладывал гостей изощреннейшими ругательствами, которые из-под заячьей губы звучали как звериное рычание. Трехметровый гигант с ногами тонкими, как спички, переступил через разорванную ширму и раскланялся перед публикой, переломившись, как складной метр… Последним номером программы был самый толстый человек на свете, чья

безобразно огромная туша плавала в чане с физраствором, катимом тремя ассистентами Моро.

Сам хозяин паноптикума, доктор тератологии, почетный вивисектор и генетический инженер Моро — массивный, широкоплечий, с мощным загривком, поросшим жесткой рыжей щетиной — сам чем-то смахивал на Минотавра, своего первого и самого знаменитого урода, человекобыка, принесшего инженеру славу и состояние. Когда Моро вышел на поклон, публика встретила его овацией.

— Если ты хочешь, чтобы твоей работе аплодировали, снимки твоих пациентов помещали на обложку «Вога», а богатые и знаменитые клиенты выстраивались бы в очередь, чтобы попасть к тебе на стол — ты должен сам быть богатым и знаменитым хирургом, — сказал маэсе Ривера, раскуривая черную марокканскую сигарилью. — А для этого надо иметь богатых и знаменитых клиентов. Это замкнутый круг, компадре. Сюда очень трудно попасть.

Маэсе Ривера знал, о чем говорил. Он начинал простым курьером на варез-сцене в разрушенной Газаватом Бискайе. Уже тогда вольные информщики были изгоями в обществе; обряд инициации над Риверой совершил спившийся медтех в кустарной мастерской на чердаке разбомбленного дома. При вводе нейрошунта медтех повредил Хуану Ривере оба зрительных нерва, оставив того слепым калекой на всю жизнь. Но когда перед тобой открываются безбрежные просторы Сети, зрение уже не играет роли. Запретные знания и навыки приобретались Риверой в секте Иллюминатов Митника. Он был единственным, кто ускользнул от инквизиции, когда секту арестовали и всех ее членов подвергли лоботомии. Позже он вступил в Мадридскую информационную ложу, где очень быстро, взломав базы данных Сарацин-Петролеума, приобрел статус хакер-легата и мастера стеганографии. К Касиану маэсе Ривера пришел в свой двадцать третий день рождения — возраст для информщика предпенсионный, у Риверы сказывалась усталость синапсов, да и реакция была уже не та, а инквизиторы дышали в затылок — и маэсе решил покончить с прошлым, превратившись в добропорядочного гражданина. У Касиана ушло два месяца на извлечение всех имплантов и шунтов из головы маэсе Риверы и выращивание новых зрительных нервов; еще месяц Ривера заново учился видеть. Гонорар за операцию дал Касиану возможность оснастить клинику вполне современным оборудованием и нанять Ингу. В качестве бонуса за конфиденциальность маэсе Ривера решил поделиться с Касианом своим взглядом на природу

классовых барьеров.

— Тебе нужен стартовый капитал, компадре. Я не о деньгах говорю — всех твоих сбережений не хватит на одну минуту адорации на каком-нибудь зачуханном автокефальном канале. Нет, тебе нужна слава. Популярность. Репутация. А самый простой способ их получить — паразитировать на ком-то известном. Проще говоря, компадре, тебе нужен знаменитый клиент. Такой, чтобы его славы хватило на вас обоих. Проблема в том, что такого клиента не встретишь на улице…

Инженер Моро вел ее под руку — невзрачную, тусклую девушку в сереньком платье, щупленькую, чуть прихрамывающую при ходьбе. В ней не было ничего уродливого; никаких гротескных, гипертрофированных черт или аномалий; но, тем не менее, она была самым некрасивым существом во всем паноптикуме.

Ее некрасивость слагалась из множества мелких, почти незаметных изъянов; так из песчинок вырастает гора. Подбородок чуть-чуть меньше, чем нужно; легкая асимметрия переносицы; слегка косящие глаза, настороженно глядящие из-под челки жестких, криво подстриженных волос мышиного цвета… Сутулая осанка, перекошенные плечи, слишком маленькие — будто не от этого тела — груди, непропорционально узкие бедра, худые коленки с чрезмерно глубокими ямочками, маленькие кукольные ступни, неуклюжая походка испуганного жеребенка… Увидев ее, гости не ахали, не ухмылялись и не кривились от отвращения. Увидев ее, они вздрагивали и отводили взгляд — чтобы спустя мгновение снова посмотреть на нее, украдкой, стыдливо, исподтишка. И снова. И еще разок… Уродство девушки очаровывало.

— Через месяц, — возбужденно дохнула Касиану в ухо баронесса фон Штольц, вцепившись в его руку, — самое большее — через два. Она вскроет себе вены, и будь я проклята, если она сделает это не в моем салоне! Для этого случая я выбью прямую трансляцию у кардинала кабельного телевидения… Пойдем, — она потащила Касиана за собой. — Нам надо познакомиться.

Нависая своей огромной мускулистой тушей над девушкой, инженер Моро давал интервью нахальному квестарю из епархии светской хроники, которого сопровождали двое служек — один тащил камеру, а другой — софиты.

— Сегодня красота стала слишком ходовым товаром, чтобы оставаться искусством, — рокочущим басом объявлял Моро. — Оглянитесь вокруг: с тех пор, как мои коллеги по цеху научились

корректировать внешность еще на стадии оплодотворенной яйцеклетки, наш мир оказался перенасыщен симметрией… Разумеется, каждая мать хочет видеть своего ребенка красивым; но самое понятие «красота» всегда ограничено, тогда как уродство границ и пределов не знает. Только создавая уродство, можно достигнуть истинной свободы творчества — и подарить миру настоящий шедевр. — Инженер обнял девушку за плечи и слегка подтолкнул вперед. — Знакомьтесь: это Тави.

Квестарь замялся, и баронесса фон Штольц оттеснила его в сторону.

— Каково быть уродкой? — выпалила она.

— Вам виднее, — тихо и явно заученно ответила Тави. — Кто из нас больший урод, я, искалеченная еще до своего рождения, или вы, пришедшие полюбоваться на меня?

— Бедная девочка, — сказала баронесса наигранно-жалостливым тоном. — Как тебе должно быть тяжело…

— Ну уж нет! — гулко захохотал инженер Моро и подхватил баронессу под локоть, заставив ее отлепиться от Касиана. — Не выйдет, ваша милость. Тави слишком мне дорога, чтобы я продал ее в ваш салон. Так что даже и не мечтайте… — Продолжая говорить, он увлек баронессу за собой, уводя ее от драгоценного экспоната; квестарь со служками рванули следом.

Касиан остался с Тави наедине.

Он огляделся по сторонам: гости паноптикума старательно не замечали ни его, ни девушки, рассеяно бродя по лабиринту паноптикума и обсуждая увиденных уродов. Он сделал шаг вперед. Тави отпрянула. Касиан поднял руку в успокаивающем жесте.

— Меня зовут Касиан, — сказал он.

Тави неуверенно передернула плечами.

— Я Тави, — сказала она.

— Я знаю, — сказал Касиан.

Он чуть наклонил голову и заглянул Тави в глаза.

— Скажи, — вкрадчиво спросил он, — тебе никогда не хотелось стать красивой?

2

«Эшер-хаус» занимал восемь городских кварталов. Согласно первоначальному архитектурному проекту, навеянному идеями Паоло Солери, он должен был стать самодостаточным аркологическим кондоминиумом, включающим в себя жилые апартаменты, офисы, супермаркет, поликлинику, два ресторана, отель, казино, турецкие бани, телечасовни, оранжереи, конференц-залы, прачечные, паркинги, мусоросжигатели и даже собственную станцию метрополитена. На бумаге, «Эшер-хаус» был абсолютно изолированным микрогородом, отделившимся от внешнего мира высокой куртиной из армированного бетона и покоящимся на восьми сейсмоустойчивых бастионах под надежной защитой зенитных равелинов. В фантазиях архитекторов, неприступная цитадель «Эшер-хауса» со всеми ее барбаканами, теналями, редюитами и огромной, как палуба авианосца, эспланадой, нависала над городом мрачным монолитом, подпирая небо кроншпицами вертолетных площадок.

Но в реальности дело обстояло иначе. «Эшер-хаус» так и не достроили до конца: теракты Воинов Радуги, саботаж со стороны профсоюзных синдиков, вето консулата на размещение ядерного реактора в центре города, кризис макроэкономики после Газавата и нашествия Аттилы, Великий Нефтяной Голод и эпидемия Синей Смерти — все это убило грандиозный проект, и вавилонский зиккурат «Эшер-хауса» наполовину состоял из пустых каркасов мертвых этажей с торчащими наружу обрубками несущих ферм.

Другая его половина использовалась в качестве отеля, где роскошь обставленных в стиле необарокко апартаментов с трудом сочеталась с неработающими эскалаторами и ржавой водой из золотых кранов. Единственное, что удерживало «Эшер-хаус» от полного запустения — традиция, согласно которой он был местом проведения светских мероприятий: балов, приемов, инаугураций дофинов и аукционов предметов искусства. Во время этих нечастых, но помпезных событий фасад «Эшер-хауса» озарялся сиянием прожекторов, а на кронверке, устланном алым паласом, теснились лакированные туши лимузинов…

В один из таких вечеров Касиан подъехал к «Эшер-хаусу» со стороны заброшенных стройплощадок, с трудом загнав неповоротливый, как катафалк, «Хаммер» во внутренний дворик у одного из служебных выходов.

Тощая крыса настороженно принюхалась, помахивая голым хвостиком, и юркнула в петляющий коридорчик лабиринта.

— Лабораторная крыса, — изрек патер Сальватор, — в чем-то равноправна с исследователем; она сама рисует свой лабиринт, ибо свободна в выборе пути к кусочку сыра. Надо только помнить, что свобода крысы не простирается дальше стенок лабиринта.

Стенд-лабиринт занимал большую часть крипты бихевиористики; почти все остальное пространство было забито клетками с подопытными животными. Тронув рычажок на подлокотнике инвалидного кресла, патер Сальватор резво прокатился между клетками, ударяя по ним ротанговой тростью, и перебудил таким образом всех до единой несчастных тварей.

— Я рад, — рявкнул патер, перекрывая гомон разбуженных зверей, — что ты обратился за помощью в свою альма-матер. И еще больше я рад, что ты плюнул на химеру независимости.

Обезьянка-капуцин — черно-белая шерстка топорщится на тонком, как проволочный каркас, тельце — пронзительно заверещала, вцепившись в решетку и раскачивая клетку.

— Только такой идиот, как этот компрачикос Моро, — проревел Сальватор, на миг превратившись в живое воплощение антагонизма между секулярной и академической наукой, — может расходовать свой талант для потехи праздной толпы!!!

Мраморный дог заметался по клетке, роняя капли слюны из вживленной в морду фистулы.

— Он обогнал нас в таинстве пермутации генома на десять лет, — скрежетнул зубами Сальватор, огладив ладонью свой обритый наголо череп; толстые гусеницы его бровей сползлись к переносице. — Его кунсткамера снится всем инокам с кафедры генетики, от министранта до декана. Поговаривают, что приор был готов прибегнуть к симонии, чтобы сманить любого из ассистентов Моро. Беда в том, что Моро богаче университета…

Объехав вокруг стенда-лабиринта, патер Сальватор притормозил и, открыв одну из клеток, вытащил наружу белого кролика. Подняв его за уши и заглянув в его розовые глаза, Сальватор сказал в пространство, будто Касиана в крипте не было:

— Достань мне любого из уродцев Моро. Живого, мертвого — значения не имеет. Достань хотя бы на время. И тогда можешь считать все свои проблемы решенными…

К заднему дворику юго-восточного бастиона «Эшер-хауса» прилегала заброшенная стройплощадка: сильно пересеченное пространство, огороженное металлической сеткой с угрожающими табличками «Высокое напряжение» и «Вооруженная охрана», изъеденными ржавчиной до полной нечитаемости. Земля внутри была изрыта траншеями, окружавшими заполненный

грязной водой котлован, из которого, будто менгиры, торчали опорные сваи. В траншеях гнили обмотанные стекловатой трубы теплоцентрали. Тропки вокруг котлована были захламлены штабелями плит и пустующими вагончиками для жилья.

Широкий и приземистый «Хаммер» с трудом пробирался сквозь эту полосу препятствий, то и дело притормаживая и сдавая назад. Касиан купил этого шестиколесного монстра, помнящего еще бои Реконкисты, всего неделю назад и до сих пор не очень освоился с управлением. У броневика, чем-то неуловимо смахивающего на катафалк, были лысые покрышки и побитая, но крепкая броня, а еще — мощный восьмицилиндровый дизель и два ряда галогенных фар, закрепленных на пулеметной станине. На эту покупку Касиан истратил последние деньги, вырученные от продажи клиники.

Дворик, куда Касиан задом (иначе было не развернуться) загнал «Хаммер», был совсем крошечный. Даже и не дворик, а просто закуток, образованный тремя стенами и обращенный к стройплощадке. Одна из стен была затянута зеленой нейлоновой сеткой, из-под которой выпирали ребра строительных лесов. Другая, кирпичная, стена была покрыта копотью и маслянистой пленкой осевшей влаги. Окна в стене были заколочены фанерой и замазаны краской; щелястые ящики кондиционеров бельмами висели в углах окон. К стене прилепился ржавый скелет пожарной лестницы.

Третья стена принадлежала хозблоку бастиона и была вся размалевана аляповатыми люминесцентными граффити. В этой стене была дверь: прямоугольник сизого металла с табличкой «Вход воспрещен». К двери вел небольшой пандус, весь в черных пятнах машинного масла. Рядом с рампой стояли мусорные баки.

Когда «Хаммер» задним бампером задел один из этих баков, Касиан заглушил мотор, поставил броневик на ручной тормоз, поправил зеркало заднего вида, чтобы лучше видеть дверь, и поглядел на часы. Ждать оставалось сорок минут…

Касиана пригласили в кампус в конце ноября. Дул холодный порывистый ветер, срывая с деревьев последнюю листву, и в университетском парке почти не было иноков. Цензус, невысокий, мускулистый парень с короткой стрижкой, встретил Касиана на гравиевой дорожке, окруженной двухэтажными дортуарами. На зажиме для галстука у цензуса был маленький пацифик в венке из дубовых листьев. Капитул Ордена рыцарей Латинского квартала рассмотрел ваше предложение, сказал цензус. С точки зрения декана капитула, риск планируемой операции неоправдан. Тем не менее, приор университета крайне заинтересован в

потенциальном результате. Касиан переступил с ноги на ногу. От лица приора университета и декана капитула, сказал цензус, я уполномочен уведомить вас, что университет не берет на себя материальное обеспечение планируемой вами операции. В случае провала операции университет будет отрицать любую свою причастность к вашим действиям. Однако, если операция пройдет благополучно, каноники Ордена готовы рассмотреть вопрос приобретения вашего трофея. Я надеюсь, добавил цензус, вы понимаете, что эта договоренность останется устной и не будет иметь никакой юридической силы. Касиан кивнул. Вы также должны понимать, сказал цензус, глядя Касиану прямо в глаза, что любая ваша попытка скомпрометировать университет повлечет за собой вашу немедленную ликвидацию силами Ордена квартальеров. Касиан еще раз кивнул. Мы желаем вам удачи, сказал цензус, заложив руки за спину, и будем внимательно следить за вашим прогрессом.

На обложке рекламного буклета была литография Мориса Эшера: огромная скала, увенчанная крепостью, парит над темной водой, и крошечный человек верхом на черепахе подплывает к летящей цитадели, пораженно воздев руки. В полутьме, царившей в салоне «Хаммера», черно-белый рисунок казался особенно контрастным. Глянцевое покрытие обложки холодило пальцы. Голографический герб «Эшер-хауса», уловив тепло человеческих рук, начал мерцать и переливаться.

Касиан открыл буклет, и ему на колени выпала сложенная вчетверо газетная вырезка. Касиан знал ее наизусть; тем не менее, он подобрал ее, развернул и аккуратно разгладил на колене. Вырезка рассказывала об аукционе кадавров инженера Моро. Аукцион должен был состояться сегодня, через четыре часа, в открытом бельведере на крыше юго-восточного бастиона.

Внутри буклета были фотографии интерьеров «Эшер-хауса», сделанные широкоугольным объективом с очень странных точек — с люстры, из кадки для пальмы, со дна фонтана, с макушки звонка на стойке портье или с подноса официанта… Рядом с фотографиями в буклете были гравюры великого голландца. На них коридоры отеля закручивались в бутылки Клейна, выворачиваясь наизнанку и поглощая самое себя, лестницы вели в никуда, колонны подпирали пустоту, а паркет оживал тысячами маленьких юрких ящериц… От долгого перелистывания буклета у Касиана начала болеть голова.

Он закрыл глянцевую книжицу и снова перечитал вырезку. По мнению трувера бульварной газетенки, из которой Касиан и узнал об аукционе, главными покупателями творений инженера

Моро должны были стать нефтяные эмиры и сетевые маркграфы, в последнее время все чаще вкладывающие средства в произведения искусства, а так же немногочисленные частные коллекционеры. Немногочисленные, с ехидцей подчеркивал трувер, в первую очередь потому, что ожидаемая стартовая цена отдельных лотов достигала миллиона евро. Чего трувер не знал и знать не мог, так это того, что на аукционе будут присутствовать и несколько незваных гостей, пришедших отнюдь не покупать…

Головная боль у Касиана стала сильнее. Он свернул вырезку, засунул ее в буклет и убрал буклет в бардачок, вытащив оттуда аптечку, а из аптечки — шприц. Пора было будить Ингу.

Отказ квартальеров от прямого содействия в операции был предсказуем, так что Касиан начал копать в этом направлении еще до встречи с цензусом. Для этого ему пришлось спуститься на одну ступеньку социальной лестницы, возвратившись назад, к зыбкой и тревожной жизни хирурга-нелегала — в ту самую заброшенную станцию метро, откуда он так стремился вырваться и откуда рукой было подать до черного рынка наемных мускулов.

Саму станцию метро взорвали во время подавления мятежа патаренов Ювентуса, а из прежней клиентуры Касиана в живых остались немногие: кто-то погиб в жестоких корпоративных конфликтах, кого-то доконали злые улицы, а кто-то распродал свое тело на запчасти другим, менее амбициозным хирургам. Те же, кто умудрился сохранить в относительной целостности свое тело и разум, отличались параноидальной осторожностью и на контакт шли с крайней опаской. Налаживать оборванные ниточки деловых связей с ними было все равно что ощупью, вслепую, оперировать пациента с неразорвавшейся зажигательной пулей в животе.

Сложности добавляло еще и то, что «Эшер-хаусом» владели несколько корпораций, для которых содержание недостроенного отеля было вопросом скорее престижа, чем прибыли. Базовый пакет акций принадлежал Хайятту, но системы жизнеобеспечения находились в ведении Дюпона, подряд на строительство северо-восточного бастиона был у Хилтона, а вертолетные площадки на крыше обслуживались Конкордом. В итоге, гарнизон «Эшер-хауса» был укомплектован не гезитами какой-либо одной корпорации, а наемными ландскнехтами. А с ними ссориться не желал никто.

Результатом интуитивно-беспорядочной деятельности Касиана стал телефонный звонок на одноразовый мобильный телефон, присланный Касиану по почте. Мы в курсе ваших проблем, сказал голос в трубке. Мы готовы взять на себя их решение. Если вам знакомо имя Нито но-Масамори, вы можете

полностью нам доверять. По нашим данным, вы не располагаете достаточной суммой для оплаты наших услуг, однако, благодаря рекомендации Нито-сана, мы готовы снизить цену. Вы же, в свою очередь, должны будете предоставить нам объект для подмены…

От укола Инга вздрогнула и задышала мелко и часто. Ее длинные, пышные ресницы — предмет особой гордости Касиана — затрепетали, повторяя судорожные движения глаз. Касиан убрал шприц, закрыл аптечку и отстегнул ремень безопасности, удерживавший Ингу в кресле.

— Просыпайся, — сказал Касиан.

Инга открыла глаза. Тонкими изящными пальчиками она помассировала виски, потом огляделась по сторонам и нахмурилась.

— Ты… — с легкой хрипотцой сказала Инга, — зачем меня сюда привез? Да и куда, собственно, ты меня привез?

Касиан повернул зеркало заднего вида так, чтобы Инга смогла в него заглянуть.

— Видишь эту дверь? — спросил он.

— Ну, — осторожно ответила Инга.

— Через три минуты, — сказал Касиан, бросив взгляд на светящийся циферблат наручных часов, — оттуда выйдет человек. Ты пойдешь с ним и будешь делать все, о чем он тебя попросит.

Бровь Инги удивленно поползла вверх.

— А почему я… буду делать все, о чем он меня попросит?

— Потому что ты не можешь мне отказать, — сказал Касиан.

— Не могу? — хмыкнула Инга.

— После всего, что я из тебя сделал… Ты не можешь предать меня именно сейчас.

Инга дернулась, как от пощечины.

— Да, — сказала она, посмотрев на Касиана без тени обиды, но с каким-то тоскливым равнодушием. — Не могу.

Она отвернулась и добавила с горечью:

— Когда-то я считала тебя своим Пигмалионом. А ты оказался обычным пигмеем, мечтающим взобраться на плечи гигантов…

В боковое стекло «Хаммера» постучали. Не говоря ни слова, Инга распахнула дверцу и шагнула в промозглую сырость. В салон ворвался холод декабрьского вечера. Касиан перегнулся через сиденье, захлопнул дверцу, развернул зеркальце обратно и увидел, как Инга и размытый силуэт ее спутника сгинули в бездонной темноте дверного проема.

Он должен был сидеть в машине и ждать; так было оговорено.

Синоби обещали привести Тави через пятнадцать минут после предоставления замены. Синоби всегда держали свое слово. За это их боялись даже больше, чем федайинов Халифата: за верность слову. Механическую, неумолимую, роковую исполняемость обещанного. Касиан должен был просто сидеть в машине и ждать…

Он не стал хлопать дверцей. Холодный воздух пощипывал кожу. К вечеру собирался дождь, пахло сыростью и гнилью, и все в дворике уже было влажным: под ногами чмокали наслоения грязи, лужи затянуло белесой мутью, а над канализационной решеткой вились столбики вонючего серого пара. Касиан передернул плечами, поеживаясь, и с хрустом размял шею, наклонив голову влево-вправо, а потом до предела закинув назад. Небо над двором-колодцем было рассечено клювом строительного крана; там, в вышине, задумчиво помигивали габаритные маяки кроншпицев, и выглядывала в прорехи облаков бледная, зеленоватая луна.

В дворике было очень тихо. Где-то вдалеке, едва слышно, лаяла, захлебываясь, собака. Над котлованом клубился туман, расползаясь по всей стройплощадке. С улицы доносились гул моторов и отрывистые гудки. На аукцион съезжались покупатели…

Касиан поднял воротник пальто, сунул руки в карманы и деловито огляделся. Дворик оставлял синоби всего три пути отхода. Пожарная лестница — зигзаг балконов и переходов, шаткое даже на вид сооружение, укрепленное на вбитых в стену костылях; самый нижний из балконов не доставал до земли пяти-шести метров. На балконе были пазы для выдвижной стремянки, но самой стремянки не было. Также синоби могли вывести Тави через потерны канализации — туда вела массивная решетка, вросшая в грязный асфальт. И еще была сизая дверь…

За спиной у Касиана что-то громыхнуло. Он резко обернулся и увидел, как толстый повар в замызганном фартуке колотит помойным ведром об край мусорного бака. Сизая дверь была распахнута настежь. Повар, утробно ворча и будто бы не замечая ни Касиана, ни «Хаммера», перегородившего весь двор, опорожнил ведро и побрел к двери. Касиан медленно выдохнул, открыл дверцу «Хаммера», залез внутрь и оцепенел.

В машине кто-то был. Какой-то странный куль на сиденье рядом с водительским. Касиан присмотрелся. Это был не куль; это была паранджа. Касиан приподнял ее и увидел Тави. Она тяжело и неровно дышала. Он пощупал ей пульс — глубокий обморок — опустил паранджу, включил зажигание и осторожно тронул «Хаммер» с места.

3

Караван-сарай располагался на самой окраине Касбаха, у Южных ворот, соединявших город с одной из его наиболее изолированных контрад. Когда-то здесь было арабское гетто, заселенное нелегальными эмигрантами из Марокко и Алжира. Во времена Последней Интифады в Касбах хлынул поток беженцев из ядерного пепелища Палестины. Население арабской контрады выросло впятеро, а количество гяуров сократилось до нуля. Потом начался Газават, принесший Касбаху короткий, но стремительный период процветания. Именно тогда над дешевыми клоповниками Касбаха вознеслись две стройные башни — минарет самой крупной мечети в Европе и алькасар местного наиба. После Реконкисты наиба повесили на балконе алькасара, мечеть разорили, и если бы не Великий Нефтяной Голод, от Касбаха не осталось бы и следа… В обмен на нефть арабской контраде позволили существовать и дальше, правда, на всякий случай обнесли трехметровым железобетонным дувалом с двойными спиралями колючей проволоки по верхнему краю.

Теперь Касбах был чем-то средним между концлагерем и самостоятельным государством. Тамошние альгвасилы не подчинялись местному бальяжу, но суд шариата был запрещен; мечеть восстановили и муэдзины снова оглашали окрестности призывами к молитве, но телеамвоны в Касбахе принимали только Шенгенские станции; инквизиция именовала Касбах не иначе как «обрубленным щупальцем Халифата», но при дворе терпели эмира Касбаха до тех пор, пока все цеховые муккадимы регулярно платили подать… Караваны грузовиков со всего Магриба прибывали и разгружались только в Касбахе, что превращало его в сухопутный порт, ведущий монопольную торговлю с Халифатом.

Как и в любом порту, здесь было множество контрабандистов, жуликов, бандитов, авантюристов, да и просто бродяг, что создавало неограниченные возможности для разведки Халифата. В Касбахе ударно-диверсионные группы федайинов Аль-Мансура получали подготовку, снаряжение, деньги и очередные задания. Второй по величине статьей дохода в Касбахе была торговля марокканским гашишем. Но инквизиция закрывала глаза даже на это, до тех пор, пока караваны грузовиков доставляли в Касбах дешевую арабскую нефть.

Большинство этих грузовиков, ведомых бедуинами-дальнобойщиками, пересекали Иберийский полуостров без остановок, чтобы снизить риск нападения со стороны варваров-

басков, и добравшись, наконец, до Касбаха, устраивали долгий привал в караван-сарае, где всегда в изобилии водились шлюхи и наркотики, и куда боялись захаживать альгвасилы. Караван-сарай круглые сутки жил по своим законам, и был для Касбаха тем же самым, чем Касбах — для города: экстерриториальной зоной, контрадой в контраде, где можно было спрятаться от любого преследователя.

Касиан припарковал «Хаммер» недалеко от ворот, у самого дувала, спрятав приземистый броневик между двумя грузовиками, и заглушил мотор.

Дорогу на аэропорт перекрыли основательно: семь из восьми полос автобана были перегорожены шлагбаумами с оранжевыми мигалками, а по оставшейся полосе в сторону аэропорта гнали нескончаемую колонну карет «скорой помощи», пожарных и полицейских машин, тягачей, везущих прожектора, и зеленых армейских грузовиков, в кузовах которых сидела панцирная пехота. Разноголосо взревывали сирены, и кто-то яростно, но малоразборчиво матерился в мегафон.

От досады Касиан ударил ладонями по рулю.

— Что случилось? — спросила Тави. Касиан вздрогнул: он не уловил момента, когда она очнулась. Паранджа была откинута, и глаза Тави, слегка косящие, смотрели настороженно.

— Все хорошо, — соврал Касиан. На самом деле, ничего не было хорошо: сейчас они уже должны были подъезжать к аэропорту, к терминалу Люфтганзы, куда местные гезиты не пропустили бы не то что ландскнехтов, а и самого дофина… Но в аэропорту что-то случилось, дорогу перекрыли, и надо было срочно искать другой вариант. — Все будет хорошо, — сказал Касиан, сдавая «Хаммер» назад.

— Я тебя помню, — сказала Тави. — Ты тот хирург. Ты меня украл?

— Да, — сказал Касиан. — Меня зовут Касиан. Я сделаю тебя красивой. А сейчас мне надо позвонить.

Въезжая обратно в город, Касиан посмотрел на часы. До начала аукциона оставалось полтора часа… У первого же таксофона он затормозил и, повернувшись к Тави, сказал:

— Никуда не уходи.

Замызганный экранчик таксофона, к удивлению Касиана, работал; после пятого гудка на нем появилась изжелта-бледная физиономия местного прево.

— Ты? — удивленно спросил прево и поскреб небритую щеку. — Тебе чего?

— Убежище, — сказал Касиан. — На сутки.

— С какой стати?

— Местному бальи будет очень интересно узнать, кто поставлял мне беглых каторжников, которым были нужны новые лица, — сказал Касиан. За шиворот ему упали первые капли дождя.

— Ах ты падаль! — взвился прево.

По экранчику пробежала рябь.

— Ну хорошо, — неожиданно покладисто сказал прево. Его щетина загадочным образом исчезла, а сам он вдруг помолодел лет на десять. — Есть у меня одна конспиративная квартира. Записывай адрес…

Касиан бросил трубку и на негнущихся ногах вернулся к «Хаммеру».

— С кем ты говорил? — спросила Тави.

— С вабильщиком, — сказал Касиан и сам испугался собственных слов.

Туман на парковке был синим от выхлопных газов. Мокрый асфальт покрывали радужные бензиновые разводы. Огромные грузовики — древние, американского еще производства «Кенворты» и «Петербилты» — были похожи на мамонтов со всеми своими никелированными бивнями, крошечными, налитыми галогенной кровью подфарниками и бахромой коричневой грязи под днищами. Зычно трубя и отфыркиваясь, плюясь дымом из длинных труб, они сложно и замысловато маневрировали на парковке, превращая ее в лабиринт с подвижными стенами.

— Надень паранджу, — сказал Касиан. Тави сжалась в комочек, обхватив колени руками, и отчаянно замотала головой. — Надень, — повторил Касиан. — Если какой-то фанатик-исмаилит плеснет тебе в лицо серной кислотой, даже я ничего не смогу исправить. Надень. Нам надо идти.

Идти Тави не могла. Она сомнамбулически переставляла ноги, но у нее все время подкашивались колени. Касиан подтолкнул ее вперед, и она едва не угодила под грузовик: плоскомордый «Мак» с намалеванными языками пламени вокруг радиатора остановился всего в полуметре от Тави, боднув воздух и грузно осев на рессорах. Водитель-бедуин что-то протяжно и возмущенно заголосил, но Касиан уже тащил Тави за руку, увлекая ее лабиринт. Они проскользнули в узкую щель между заиндевелым рефрижератором и брезентовой фурой, свернули в проход между бамперами, обогнули кабину гусеничного вездехода, поднырнули под грязную, в потеках мазута, цистерну «Сарацин-Петролеума», миновали бесконечно длинный

гофрированный бок восемнадцатиколесного трейлера — и выскочили прямо к входу в караван-сарай.

Вязь гнутых неоновых трубок над входом тихонько зудела, окруженная туманным гало. Слева от входа выстроилась шеренга «Харлеев»: разлапистые хромированные рули склонены набок, низкие седла увешаны потертыми бурдюками с бензином и свернутыми спальниками, горбы бензобаков увиты затейливым орнаментом… Хозяева мотоциклов, племя дервишей в промасленных бурнусах, околачивались поблизости, нарываясь на драку с бедуинами. На Касиана и Тави они не обратили внимания, а вот вышибала у входа, когда Касиан проходил сквозь рамку металлодетектора, что-то пролаял сердито на местном жаргоне — дикой смеси арабского, турецкого, пушту и фарси, но Касиан показал вышибале свой скальпель, и тот при виде цехового знака кивнул уважительно и пропустил обоих в караван-сарай.

На мокром асфальте «Хаммер» повело юзом. Касиан выкрутил руль в обратную сторону и до предела выжал тормоза. Тави бросило вперед, и она до крови рассекла бровь, ударившись головой о приборную панель. Не обращая внимания на ее вскрик, Касиан прильнул к лобовому стеклу.

Там, за серой занавеской мороси, была какая-то возня. Люди в белых непромокаемых комбинезонах сгружали из фургона и расставляли поперек дороги противотанковые «ежи», сваренные из обрезков рельс. Еще одна бригада людей в комбинезонах разматывала мотки колючей проволоки, усеянной бритвенно острыми лезвиями. Дальше, за фургоном, возле заколоченного посольства Самсунга, монтировали складные стойки для прожекторов.

— Кто это? — спросила Тави.

— Тенетчики, — сказал Касиан, силясь разглядеть гербы на спинах белых комбинезонов. — Они не выпустят нас из района охоты…

Районом охоты были шестнадцать кварталов вокруг того таксофона, откуда Касиан звонил прево. По два в каждую сторону. Дальше начинались баррикады. Сразу после звонка Касиан погнал «Хаммер» сквозь пелену дождя, не включая фар и проскакивая светофоры, по вымершим улицам города, срезая углы и ныряя в подворотни, стремясь вырваться из охотничьего острова еще до начала травли — но было уже поздно. Их обложили.

— Ты не видишь, что написано у них на спинах? — спросил Касиан.

— Нет, — сказала Тави. — У меня врожденная близорукость. Это придает мне беспомощности. Кроме того, я не умею читать, — спокойно сообщила она.

Дождь вдруг резко усилился; налетел порыв сильного ветра, и по окнам «Хаммера» хлестнуло косыми струями. Касиан врубил противотуманные фары на крыше, и мощные лучи света вырвали из темноты узкий черный фюзеляж вертолета. Он завис над «Хаммером» совершенно бесшумно; только видно было, как подрагивает зыбкая паутинка винтов.

На какое-то мгновение броневик и вертолет замерли друг против друга — и за это мгновение, за миг до того, как взвыли сирены охотничьих рожков, загремели выстрелы и резиновые пули заколошматили по бокам «Хаммера», а из-за баррикад хлынула улюлюкающая толпа загонщиков, и «Хаммер», взвизгнув стартером как испуганный вепрь, рванулся назад, Касиан успел разглядеть герб на графитовом кокпите вертолета.

Гончая в прыжке.

«Псовая охота Йенсена».

Это случилось года три тому назад: Касиан как раз начинал легально практиковать, когда один из борзятников Йенсена в попытке заструнить беглеца-подранка сверзился с мотоцикла и угодил под лапы собственной своре — ребра и ключицы у него зажили быстро, а вот кости лица пришлось дважды ломать и сращивать заново, чтобы борзятник — наследник крупного адвокатского дома — смог появиться на людях без гель-маски.

Сверх гонорара борзятник презентовал Касиану пригласительный билет на следующую комплектную охоту Йенсена. Такой билет был хоть и одноразовым, но пропуском в высший свет — к скучающей аристократии, готовой ради острых ощущений понести любые травмы, и потому регулярно нуждающейся в услугах пластического хирурга. На охоту Касиан отправился с твердым намерением подцепить с полдюжины выгодных клиентов… Он не учел того, что цеховые клиники уже давно и прочно сотрудничали с «Псовой охотой», а медицинская страховка была непременным условием участия в травле. У борзятника ее не было только потому, что он из жадности предпочел дать взятку распорядителю охоты — за что и поплатился…

На охоте Касиана почти сразу оттерли к ловчим, псарям, заводчикам, корытникам и прочему служивому люду, и там он впервые увидел легендарного Йенсена.

Поговаривали, что Йенсен когда-то служил в Ордене Голубых Касок, участвовал в двух Миротворческих походах — на Балканы

и на Кавказ, был ранен, попал в плен к Аттиле, бежал… После отставки он устроился комтуром службы безопасности на заводе в Гаммельне, где подавил две забастовки сервов и утопил в крови бунт антиглобалистов. А потом Йенсен ушел на вольные хлеба и открыл самую крупную в Священной Шенгенской империи охотничью фирму. Ему доставались самые опасные преступники и самые богатые клиенты; когда Йенсена пригласили в егермейстеры при дворе в Давосе, Йенсен отказался.

Йенсен был сухим седовласым стариком с тросточкой в руке и с неизменным черным беретом на голове. Он сутулился и прихрамывал; он говорил очень редко и очень тихо, но когда он говорил — все замолкали… Он убил семьдесят два человека, шепотом сказал борзятник Касиану, и в шепоте его слышалось благоговение. Он лучший убийца в Европе. От него еще никто не уходил…

Мотоциклист вынырнул из дождя бесшумно и стремительно — если бы не вспышка молнии, Касиан ни за что бы его не заметил. Но предательский отблеск на обтекателе «Ямахи» выдал мотоциклиста: Касиан сдал влево, прижимая выжлятника в бордюру, мотоцикл вильнул, зарыскал и врезался в столб. Выжлятника швырнуло на дорогу. Таким Касиан его и запомнил: стоящим в луже на четвереньках, струи дождя барабанят по подставленной спине, и лучи фар отражаются в лакированном шлеме.

Потом был раскат грома и тупой удар, когда бампер «Хаммера» сбил выжлятника. Касиан проехал еще полквартала, сбросил скорость и посмотрел в зеркало заднего вида. Вокруг бесформенной массы на асфальте собирались темные тени, слишком маленькие, чтобы быть людьми. Киберпсы. Выжлятник вел стаю гончих.

Касиан остановился и задним ходом загнал «Хаммер» в переулок между зарешеченным ломбардом и греческой таверной. Там он выключил зажигание и погасил фары.

— Тихо, — сказал он Тави. Она негромко скулила. — Тихо!

Дождь колотил по крыше «Хаммера» и заливал ветровое стекло. Пенистые струи стекали с покатого, скошенного капота. Сквозь шум дождя Касиан услышал, как цокают титановые когти гончих об асфальт.

Первая гончая встала в стойку напротив въезда в переулок. Три других замерли рядом. Они стояли совершенно неподвижно, как статуи: поджарые, хищные статуи… Пластинчатые, как панцири креветок, спины блестели под дождем, длинные гибкие шеи, оплетенные кабелями гидравлики, поддерживали узкие

головы. Глаза слабо тлели рубиновым пламенем.

— Твои феромоны, — сказал Касиан. — Они настроены на твои феромоны.

— Что?..

— Вон из машины! — заорал Касиан.

Тави отчаянно замотала головой.

— Не надо, не надо, ну пожалуйста, не надо… — бормотала она, пока Касиан ногой выталкивал ее наружу. Очутившись под холодным ливнем, она сразу замолчала и съежилась, обхватив себя за плечи.

— Беги, — сказал ей Касиан. — Беги как можно быстрее.

— Я н-не могу, — сказала Тави. Подбородок ее дрожал, свалявшиеся пряди волос падали на глаза. — У меня ноги разной длины. Всего на сантиметр, но…

Касиан захлопнул дверцу, врубил мотор и дал задний ход.

Плешивый мулла обхватил свою грушевидную голову обеими руками и распростерся ниц на молитвенном коврике, проголосив протяжно:

— Бисмал-ла-а-а…

На муллу никто не обращал внимания — в бывшей автомастерской, переоборудованной под харчевню, было слишком шумно и дымно: дервиши курили сладковатый бандж, бедуины посасывали посеребренные кальяны с опиумом, а с кухни несло вонью горелого масла, и два вентилятора под потолком караван-сарая лениво перемешивали все эти ароматы в единую вязкую коллоидную субстанцию, сквозь которую пробивались тягучие, без начала и конца, арабские мелодии, многоголосое бормотание и сухой стук костей для трик-трака. В углу, возле самого михраба, висела гроздь древних, ЭЛТ-шных амвонов, по которым передавали внеурочную мессу из аэропорта: когда шейх Аль-Мансур, самозванный продолжатель дела Салах ад-Дина и Усамы бен-Ладена, взял на себя ответственность за теракт, дервиши отозвались одобрительным гулом, после чего караван-сарай снова погрузился в ленивую полудрему…

Мебели в караван-сарае не было. Вместо стульев прямо на цементном полу были навалены, наползая друг на друга, вытертые ковры, спальные мешки, рваные одеяла, циновки и подушки — груды подушек, из-под которых, если сесть, во все стороны брызгали полчища тараканов. Столы здесь заменяли огромные жестяные блюда с непременными длинноносыми кофейниками и пирожками с маджуном — смолистой начинкой из конопли.

Касиан заказал чалоу-кебаб — однородную массу из риса и

баранины, и две плошки с кунафой — сладкой вермишелью с медом; добавив еще две купюры (в Касбахе ходили только наличные), он попросил отдельную келью. Таковых в караван-сарае попросту не было, но сноровистый официант быстро огородил ажурными ширмами бывшую смотровую яму, куда и спустились Касиан и Тави. В яме клокотал масляный радиатор, отчего воздух был сырым и горячим, как в турецкой бане.

— Никуда не уходи, — сказал Касиан, расставив плошки с едой. — Слышишь? Сиди здесь. Я скоро вернусь. Мне надо позвонить.

Тави никак не отреагировала. За черной вуалью паранджи Касиан не мог различить, открыты ли ее глаза, или она снова провалилась в то странное подобие каталепсии…

— Я вернусь, — на всякий случай повторил он.

Переулок был чертовски узкий, «Хаммер» со скрежетом задевал бортами за стены, высекая белые искры. Отъехав метров на тридцать, Касиан разворотил водосточную трубу, из которой пенистым потоком на грязный асфальт хлынула дождевая вода, и резко затормозил. Дальше «Хаммер», почти двухметровый в ширину, проехать не мог…

Касиан включил первую передачу и, не отпуская сцепления, утопил педаль газа. Мотор сдержанно заурчал, работая вхолостую.

Тави стояла там, где он ее высадил. Гончие — отсюда их было плохо видно — неспешно окружали ее.

Втянув воздух сквозь сжатые зубы, Касиан задержал дыхание, досчитал до десяти и медленно выдохнул.

Тави побежала. Неловко, прихрамывая, подскакивая, как воробушек, но — изо всех сил. Гончие бросились следом, превратившись в размытые дождем и скоростью пятна. Касиан отпустил сцепление.

Первую гончую «Хаммер» подмял под себя и перемолол тремя левыми колесами. Вторую — ударил бампером, разрывая ее пополам. Третья успела прыгнуть и врезалась в лобовое стекло, оставив после себя паутину трещин и пятно то ли крови, то ли машинного масла.

— Цела? — спросил Касиан у втиснувшейся в стену переулка Тави. — Залезай, а то простудишься…

На весь караван-сарай был только один таксофон. Он висел на стене у входа в туалет. Экран был разбит, а сам аппарат был обклеен чешуей серых, отсыревших бумажек с номерами проституток.

Стараясь не вступить в блевотину и дышать через раз (из туалета несло зверски), Касиан переступил через бесчувственного наркомана и снял трубку. Гудок, как ни странно, был. Касиан положил палец на кнопку и вдруг понял, что звонить нельзя. Невольничий рынок Касбаха — место, откуда белые рабыни попадали в гаремы нефтяных эмиров, был слишком очевидной целью. Почти наверняка доезжачий Йенсена взял этот телефон на прослушку. При желании, он мог поставить фильтр на голосовой отпечаток Касиана на все телефонные линии Касбаха. Ведь перехватил же он разговор с прево, да еще и вклинился… Впрочем, с такой аппаратурой, какая была в фургончике доезжачего, это было несложно.

Снаружи фургон напоминал телевизионный конфессионал: невзрачный микроавтобус без окон, но зато с целым лесом антенн на крыше. Тонкие и гибкие прутья антенн сгибались под порывами ветра, вода в перевернутых спутниковых тарелках плескалась и кипела под струями ливня.

Фургон стоял посреди глубокой, по щиколотку, лужи, и когда Касиан к нему приблизился — осторожно, втянув голову в плечи и озираясь по сторонам — в туфлях у него хлюпало.

— Открывай! — крикнул Касиан и заколотил в дверцу фургона ногой.

В фургоне кто-то завозился. Касиан стряхнул с плеч тяжелое, насквозь промокшее пальто, набросил его на Тави и достал из кармана скальпель.

Дверца фургона, скрипнув, приоткрылась, и на Касиана пахнуло теплом и ароматом кофе.

— Кто? — осведомился тщедушный очкарик, близоруко вытаращившись на Касиана.

— Свои, — пробурчал Касиан, вталкивая очкарика внутрь, сшибая его с ног и наваливаясь на него всем весом. Очкарик задавленно пискнул, а Касиан просунул коротенькое, не длиннее большого пальца, лезвие скальпеля под запотевшее стеклышко очков.

— Дернешься — выколю глаз, — пообещал он.

Очкарик всхлипнул от ужаса. В мерцании десятка мониторов его лицо было сиреневого цвета.

— Ты кто? — спросил Касиан.

— Д-доез-зжачий, — выдавил очкарик.

Этого термина Касиан не знал.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Ко-ко-координирую с-собак…

Касиан улыбнулся.

— Ну надо же! Как все удачно получилось, — сказал он и приподнял очкарика за грудки. — А сейчас, — сказал Касиан и осмотрелся по сторонам, — мы с тобой начнем координировать собак вместе.

Рядом с Тави сидел низенький, плотный человечек в красной феске и с лицом, похожим на смазанную жиром лепешку. Человечек обильно потел: черные курчавые волосы сально блестели, а грязный, темно-серый воротник рубашки плотно врезался в толстую дряблую шею. Пальцы, унизанные десятком дорогих, но безвкусных перстней-печаток, нервно теребили четки из слоновой кости.

По возвращении Касиана человечек привстал и мелко-мелко закивал.

— Здравствуйте, Касиан-эфенди, — сказал он.

— Вы кто? — спросил Касиан настороженно.

— Ай-яй-яй! — расстроился человечек. — Касиан-эфенди меня не помнит. Я факих… — человечек замялся, подыскивая слово, — личный легист Его Высочества эмира Касбаха, на чьей земле вы имеете привилегию находиться. Мы с вами встречались, помните? На открытии паноптикума инженера Моро. Я сопровождал Его Высочество…

— Я помню, — соврал Касиан.

Человечек расплылся в улыбке — и тут же сник.

— Очень жаль, Касиан-эфенди, что Аллаху было угодно вновь свести нас при таких неудачных обстоятельствах, — скорбно сказал он. — Отношения мусульманской контрады с консулатом сейчас очень, очень сложные. Может быть, нашим альгвасилам и удалось бы не пустить в Касбах «Псовую охоту Йенсена»… Но ведь у Йенсена прямой конкордат с кардиналом вуайер-телевидения, а эти презренные шакалы уже служили мессы об охотах Йенсена и в Чайнатауне, и в Русском квартале, и даже в Маленьком Сиэтле. Его Высочеству эмиру очень не хотелось бы, чтобы Касбах пополнил этот скорбный список контрад, чья суверенность была так грубо попрана. Очень-очень не хотелось бы. Тем более, — добавил факих, и его маслянистое бормотание на миг превратилось в отрывистый лай, — из-за такой малозначительной причины, как вы и ваша спутница.

Касиан промолчал.

— Вы лабиринтный человек, Касиан-эфенди, — снова залебезил факих. — Но в лабиринте Касбаха у вас есть всего два выхода: наружу или в зиндан. Не ищите здесь истину. Тем более, — скабрезно захихикал он, кивнув на Тави, — что свою Ариадну вы уже нашли.

— На все воля Аллаха, — сказал Касиан угрюмо.
— Иншалла! — расцвел факих.

4

Акведуком местные жители называли древний евросоюзовский монорельс, возлежащий на железобетонных опорах высотой с трехэтажный дом и пересекавший автобан под косым углом. И действительно, было что-то величественно-римское в арочных проемах между опорами и легкой, изящной стремительности самого магнитного полотна, по которому когда-то проносились сверхзвуковые поезда от Лондона до Шанхая.

Потом, в одну из страшных Чернобыльских ночей, когда Иллюминаты Митника проникли в диспетчерскую сеть Евротранса и в буквальном смысле свели лбами два пассажирских экспресса, а варвары-антиглобалисты внесли посильную лепту в возникший хаос, обрушив четыре пролета автобана, эстакада монорельса навсегда превратилась в величественный монумент человеческой глупости, подобно древнему акведуку возвышаясь над грудой обломков павшей империи.

Палаточный городок, стихийно возникший в полосе отчуждения монорельса, со временем превратился в бенефиций Ордена Красного Креста, а потом — в цензиву Армии Спасения, постепенно мутировав из лепрозория для пострадавших в скваттерское поселение бездомных. А когда грянул Газават, и в Европу хлынул поток беженцев, Орден Голубых Касок организовал здесь лагерь для перемещенных лиц — один из многих сотен таких лагерей.

Выходцы из Черногории, Сербии, Боснии, Словении, Македонии, Болгарии, Валахии, Трансильвании, Румынии, Молдавии, Буковины, Галичины и прочих мелких княжеств, раскинувшихся от Балкан до Карпат, искали здесь убежища от кровавых междоусобиц и Халифата, пережидая Газават и Реконкисту, нашествие Аттилы и Миротворческие походы. Они оседали, будто накипь, на границах Священной Шенгенской империи, образуя особую культуру людей без родины и без паспортов, людей, выросших и проживших жизнь в таборах, подобных этому, людей, угодивших между шестернями истории и каким-то чудом уцелевших; людей, ненужных никому.

Именно поэтому Касиан и свернул с автобана, как только увидел россыпь огней под арками акведука.

Осклизлое рыло бронетранспортера вынырнуло из пелены дождя и с грохотом промчалось мимо, обдав «Хаммер» сизым выхлопом дизеля. Следом за БТРом ехал двухэтажный «Неоплан» с паломниками, похожий на освещенный изнутри аквариум.

Паломники — по большей части японцы — прилепились к окнам, фиксируя окружающих мир десятками крошечных видеокамер. А сразу за «Неопланом» тянулась нескончаемая колонна балканских беженцев: оборванные, в лохмотьях, с тележками, на которые был навьючены остатки немудреного скарба, с лицами, полными тупого равнодушия к происходящему, беженцы плелись по левой полосе автобана, сдерживаемые вооруженным оцеплением. Рядом с колонной ехал коннетабль в джипе и порявкивал в мегафон на каждую встречную машину. Касиану пришлось сбросить скорость и перестроиться в правый ряд — благо, машин на мокром автобане почти не было.

— Куда мы едем? — спросила Тави.

— На север, — сказал Касиан.

Исхлестанная косыми струями ливня дорога послушно ложилась под колеса «Хаммера». Мокрые беженцы, выхваченные из темноты фарами «Хаммера», подслеповато и со страхом таращились на Касиана, словно тот был алькальдом концентрационного лагеря Халифата. Матери подхватывали детей на руки.

Касиан ждал, когда Тави спросит — почему на север, но она сказала:

— Знаешь, там, в переулке… я подумала, что ты меня бросил.

— Знаю, — сказал Касиан.

Дальше на дороге был блокпост. Сперва Касиан внутренне сжался, а потом увидел, как гезиты Дойчебанна в блестящих от воды дождевиках допрашивают бедуина-дальнобойщика, и расслабился. Дорожную пошлину ему платить было не с чего, а огороженный шестиметровым забором автобан в смысле изолированности от внешнего мира ничем не уступал терминалу Люфтганзы — уж Йенсена сюда точно не пропустят… Правда, любой автобан рано или поздно заканчивается — особенно если учесть, что последние несколько часов они ехали не в том направлении, с каждым километром удаляясь все дальше от патера Сальватора, тихого кампуса и всего цивилизованного мира.

Бедуина заставили загнать фуру на весы, и Касиану пришлось остановиться. Через потрескавшееся лобовое стекло «Хаммера» была видна таможня Дойчебанна — бывшая автозаправка Шелла, не пережившая Великого Нефтяного Голода. В воздухе еще сохранилась неистребимая вонь солярки, и над головой, под жестяным навесом гудели мощные неоновые лампы. Справа, возле будки таможенника, был стенд, обклеенный листовками с портретами разыскиваемых федайинов, образцами заполнения таможенный деклараций и энцикликой Корпуса Мира о помощи

беженцам. Над стендом висел, чуть покосившись, рекламный щит суицид-салона баронессы фон Штольц, весь изрешеченный пулями.

Таможенник в ярко-желтом дождевике постучал в окно «Хаммера», и Касиан сунул туда свой паспорт. Перелистав страницы и кивнув при виде шенгена, таможенник взял под козырек и вернул паспорт обратно, полностью проигнорировав Тави — видимо, принял ее за одну из кочующих проституток, что мотались по всей Европе, прыгая из одной фуры в другую.

Кивнув в знак благодарности, Касиан медленно поехал вперед — туда, где на фоне россыпи огней и ломанных силуэтов небоскребов темнела огромная проплешина Рурской промзоны.

В этот момент в салоне «Хаммера» раздалось тихое мурлыканье мобильного телефона.

Снег шел все сильнее; струпья снега, насквозь пропитанные испарениями близлежащего химического завода, кружились в двух белых конусах света и налипали на лобовое стекло. Касиан включил дворники и увидел, что стоящую перед ним авторуину уже всю засыпало снегом. Щетки дворников со скрипом елозили по стеклу. Касиан выключил сперва дворники, потом фары. Белые конусы исчезли, и снег из бурого сразу превратился в голубоватый. Стало слышно гудение ветра.

Если ничего не трогать и не включать, и не выходить из машины, то к утру на месте «Хаммера» будет огромный сугроб. Детишки бездомных размалюют его из баллончиков с краской, и если ноябрьские заморозки плавно перейдут в декабрьские морозы, то до весны Касиана и Тави никто не найдет…

— Что теперь с нами будет? — спросила Тави.

— Не знаю, — сказал Касиан.

— Зачем мы сюда приехали?

— Нам надо спрятаться, — сказал Касиан. — Забиться в подпол. Уйти в стены. На чердак. Превратиться в крыс. Испуганных крыс. Потому что на нас спустили всех котов этого дома…

Касиан посмотрел на телефон, как на бомбу с тикающим механизмом.

— Это твой? — спросила Тави.

— Нет, — сказал Касиан. Если бы он взял с собой свой мобильник, их бы поймали сразу, даже без команды вабильщиков Йенсена. Просто отследили бы по спутнику.

— Так его что, подбросили? — спросила Тави недоуменно.

Подбросить его могли только на стоянке караван-сарая. До

этого Касиан из машины не выходил. Но кто и зачем?..

— Алло? — сказал Касиан, нажав на кнопку ответа.

— Господин Касиан? — спросил очень мелодичный и очень знакомый голос. — Если вы меня узнали, не называйте меня, пожалуйста, по имени.

— Я вас не узнал, — сказал Касиан.

— Тем лучше. Я только хотел вам сообщить, что Верховная Консистория телевидения внимательно следила за вашей эскападой от самого «Эшер-хауса»…

— Вот как? — спросил Касиан.

— Не перебивайте, пожалуйста. Два часа назад, когда вы попытались найти убежище в Касбахе, среди телехрамов юго-западного сектора был распространен монитум о неоказании какого-либо содействия хирургу Касиану и его спутнице. В данный момент аналогичное предупреждение рассылается и во все прочие сектора Священной Шенгенской империи. В соответствии с конкордатом о сотрудничестве телехрамов с силами правопорядка, в Консистории был подготовлен проект анафемы хирурга Касиана и его спутницы. Также в разработке находится схема реализации интердикта над Рурской промзоной…

Голос оборвался, и зазвучали короткие отрывистые гудки.

— Кто это был? — спросила Тави.

— Никто, — сказал Касиан.

С пастором Ренатти из диоцеза развлекательных причащений Касиан свел знакомство три года назад. Был самый разгар иконокластии: после буллы об отлучении Сети от телевидения и декреталии о запрете виртуальных пресвитеров, инквизиторы изгоняли со всех каналов синтезированных компьютером исчадий виртуальности — и в результате спрос на андрогинных, но натуральных, из плоти и крови пастырей возрос неимоверно.

Для пастора Ренатти это было время стремительного взлета. Пройдя курс гормональной терапии, изменив пигментацию волос и тембр голосовых связок, ангелоподобный, златокудрый и велеречивый пастор (известный также своей сексуальной ориентацией широчайшего профиля) поднялся в таблице рейтингов так высоко, что и сам не заметил, как превратился в полновластного епископа на кардинальской должности. Вопрос его вступления в конклав был делом решенным — такими рейтингами, как у Ренатти, никто бы не усомнился в правомочности подобной карьеры, но тут случилось непредвиденное: в моду вернулся стиль «мачо».

Занятия бодибилдингом и курсы матерной речи не смогли

спасти угасающую карьеру епископа Ренатти. Он снова обратился к Касиану, но гормональные изменения в организме епископа оказались необратимыми…

Последнее, что Касиан о нем слышал — то, что викарий Ренатти прозябает на каком-то автокефальном канале и на каждой мессе считает необходимым проклинать пластических хирургов.

Тем не менее, голос в трубке мобильника принадлежал именно Ренатти.

Они въехали в промзону, как в зиму: мокрый липкий снег здесь валил с серого неба, снежинки как хлопья серого пепла, и сугробы горбатились вдоль тротуаров. Свинцовые тучи заволакивали небо. Дома вдоль улиц стояли мертвые, нежилые, с выбитыми стеклами и пятнами копоти на стенах. Сами улицы — стылые, пустынные, продуваемые ледяным ветром — петляли между вымершими кварталами, то и дело пресекаясь баррикадами и остовами подбитых БТРов.

Во время Реконкисты здесь шли ожесточенные бои за каждый дом, за каждое уродливое приземистое строение — и кончилось все тем, что исламисты, уходя, выпустили на волю новый штамм Синей смерти, и промзону закрыли раз и навсегда.

Пробитые, точно яичная скорлупа, газгольдеры Дюпонов, изъеденные коррозией и оплетенные паутиной тонких труб цеха сталелитейных предприятий Круппов безмолвными громадами нависали над крышами домов, заслоняя собой горизонт. Снег, запорошив улицы, присыпал остывшие домны и накрыл грязно-серой шапкой могильники химических отходов. Говорили, что именно из-за них в промзоне всегда было холоднее обычного: разная дрянь десятилетиями испарялась в свинцовое (во всех смыслах) небо, и климат здесь словно свихнулся… Стаи облезлых собак перебегали дорогу «Хаммеру». Людей нигде не было.

— Зачем ты меня сюда привез? — спросила Тави.

— Мы ищем амвон, — сказал Касиан, стиснув зубы и напряженно вглядываясь в заснеженную мглу.

— Амвон? — переспросила Тави. — Здесь?!

— Смотри, — сказала Тави. — Они расходятся.

Она указывала на бомжей, которые медленно расползались от костров. Сутулые фигуры как-то очень одновременно заковыляли в разные стороны и почти сразу, едва покинув пределы освещенных кругов, растворились в темноте.

— Куда это они? — спросила Тави. После караван-сарая она будто оттаяла: смотрела на Касиана преданными щенячьими

глазами и все время что-то говорила.

Сначала вагоны поезда, замершего на акведуке, а потом убогие лачуги бездомных начали озаряться мертвым флуоресцентным светом. Это был целый город — или, скорее, табор, с полсотни трейлеров на кирпичных подпорках вместо колес, какие-то хижины из жестяных листов, термопалатки Армии спасения, хибары из прессованных пивных банок, полевая кухня Красного креста… Все это наливалось гнилушечным светом и пропитывалось многоголосым бормотанием.

— Это же амвоны, — догадалась Тави. — Тут в каждом доме есть амвон! Даже тут, на краю света… Но что они смотрят?

— Не знаю, — сказал Касиан.

— Зато я знаю, — уверенно сказала Тави. — Сейчас же полунощница. В это время всегда крутят порнуху. Инженер Моро разрешал мне смотреть телевизор, — добавила она, словно извиняясь. — Он говорил, что я должна постигнуть все уродство окружающего мира, чтобы осознать свою красоту… — Тави вдруг всхлипнула и замолчала.

Касиан прижался затылком к подголовнику и закрыл глаза.

Они успели к полуночной мессе: как раз заканчивался оффертoрий, и толстомордый спонсор, сияя и лоснясь, объявлял об очередном снижении цен на услуги в государственных суицид-клиниках. Потом на амвоне — старом, потрескавшемся плазменном амвоне, который висел на грязной кирпичной стене одного из мертвых зданий — появилась сексапильная аббатиса и стала зачитывать своим хорошо поставленным голоском текущие новости. Уличными столкновениями полиции и антиглобалистов закончился ганзетагг Международного Валютного фонда в Брюсселе. По подозрению в организации взрыва в аэропорту Орли задержаны трое федайинов из группировки Аль-Мансура. Скандал в «Эшер-хаусе», сорван аукцион инженера Моро. Презентация новой коллекции баронессы фон Штольц. А теперь подробнее об этих и других новостях. Неопознанный женский труп, обнаруженный ландскнехтами службы безопасности отеля «Эшер-хаус» в дофинских апартаментах, где инженер Моро содержал свои экспонаты, вызвал скандал в кругах бомонда. Инженер Моро не подтвердил, но и не опровергнул слухи о попытке подменить один из его экспонатов. Мы вынуждены прервать нашу литургию из-за экстренной энциклики Верховной Консистории телевидения. Хирург Касиан разыскивается по обвинению в преднамеренном убийстве выжлятника из «Сафари Йенсена». Верховная Консистория приняла решение предать Касиана анафеме. Просьба ко всем достойным прихожанам юго-западного

и северо-западного секторов немедленно сообщать обо всех перемещениях этого человека в ближайшее отделение инквизиции. Любая контрада или цензива, предоставившая убежище Касиану, будет подвергнута интердикту. А теперь возвращаемся к текущим новостям. Шейх Аль-Мансур заявил…

Амвоны гасли один за другим; так гаснут свечи при порыве ветра. Еще минуту назад городок бездомных на окраине промзоны мерцал и переливался неживым сиянием — а сейчас тьма, пронизанная снегом, подступила к акведуку и захлестнула его, как приливная волна. Монорельсовый поезд, светившийся, как елочная гирлянда, погрузился в темноту сразу и весь; лачуги под руинами автобана, угаснув, исчезли за плотной занавесью снегопада.

— Какого черта? — прошептал Касиан, наклоняясь вперед.

— Это, наверное, сбой, — сказала Тави. — Они ведь воруют электричество.

И тут городок под акведуком ожил. Десятки согбенных, закутанных в лохмотья фигур порскнули в разные стороны из выбитых окон поезда, и внизу, под акведуком, тоже забурлило, закопошилось человеческое месиво, хватая пожитки, забрасывая снегом костры и суетливо разбегаясь в разные стороны.

— Как крысы, — сказала Тави зачарованно. — Крысы бегут из горящего дома…

Касиан посмотрел в небо, но инквизиторских вертолетов, жалящих землю лучами прожекторов, там не было. Там вообще ничего не было — ни звезд, ни луны, ни даже облаков: беспросветная тьма, извергающая мириады грязных и липких снежинок.

— Смотри! — сказала Тави, вытянув руку вперед.

Под разорванной аркой акведука тьма была настолько густой, что казалась почти осязаемой; и тьма эта двигалась и рокотала. Рокот, мощный и ровный, пробивался даже сквозь бронированные стекла «Хаммера». Осязаемая тьма надвигалась медленно, но неуклонно, как грозовой фронт…

А потом она вспыхнула десятком пляшущих огненных точек, и рокот распался на рев и грохот моторов, и из-под арки, как из ворот ада, вылетели, разбрасывая фонтаны жидкой грязи, с полдюжины трехколесных мотоциклов. Взревев двигателями и взмесив снег широкими рифлеными покрышками, они выстроились клином и устремились к «Хаммеру», затормозив в пяти метрах от присыпанного снегом «Хаммера». Касиан в каком-то странном оцепенении протянул руку и включил фары. Конусы белого света прорезали тьму, и стало видно, что на мотоциклах

гордо восседают не люди, а гладкие панцирные жуки. Без голов.

Один из жуков — самый крупный и старый, с подпалинами и вмятинами на хитиновой кирасе, рванул мотоцикл с места и подрулил к «Хаммеру» слева, со стороны водителя. Двухпалой клешней он соскреб с бокового стекла налипший снег и вежливо постучал. Касиан с трудом, напрягая мышцы шеи, повернул голову и вдруг вспомнил, где он уже видел таких жуков. В исторической хронике. Человек на мотоцикле был одет в бронекостюм «катафракт», и на панцире, слева от середины, виднелся полустертый имперский флаг, поверх которого грубо, из пульверизатора, было намалевано одно-единственное слово.

Аттила.

— Кто это?!! — завизжала Тави.

— Варвары, — очень спокойно сказал Касиан.

Клешня снова клацнула по стеклу, и Касиан открыл дверцу.

5

На плацу снег лежал редкими плоскими сугробами, похожими на пятна серого лишайника. Там, где проехали мотоциклы и машины варваров, снег был перемолот в грязную крупчатую кашицу, а поперек плаца, от казармы и до капониров у ворот, тянулась широкая жирная полоса мокрого асфальта, обозначающая маршрут теплоцентрали. С теплом на базе все было в порядке: по-видимому, варвары присосались к одной из сверхмощных котельных промзоны — а вот с электричеством были проблемы. Фонари на плацу и прожектора на заборе не горели вовсе, а лампочки под потолком казармы, накрытые жестяными конусами и забранные мелкоячеистой сеткой, светились тускло, в полнакала, из-за чего углы просторного помещения тонули в полумраке.

Когда-то здесь был расквартирован 101-й воздушно-десантный легион Империи, включавший в себя две отдельные мотострелковые когорты, вертолетный турм и манипулу «зеленых беретов». Пять тысяч гоплитов с семьями и обслуживающим персоналом размещались в военном городке, занимавшем площадь в полгектара; все это хозяйство было обнесено бетонной стеной и укреплено не меньше, чем форт миротворцев где-нибудь на Балканах. Однако во время Газавата этот городок переходил из рук в руки раз десять и был до того потрепан, что после Реконкисты его собирались снести подчистую и отстроить заново — но не успели… Ходили слухи, что в этом безымянном городке когда-то жил сам Аттила, вынашивая планы по уничтожению Империи; когда планы его были реализованы, а воинство, лишенное лидера, разметано Миротворческими походами, городок опустел. Как оказалось — только на время…

Касиан покрутил головой, разминая затекшие мышцы шеи, и отошел от окна. Койки в казарме, в отличие от лазарета, стояли двухэтажные, металлические, с продавленными пружинами. Тави забилась в одну из этих ржавых клетей, как мышь в нору, и закуталась в зеленое шерстяное одеяло, так что наружу торчало только испуганное личико. С неожиданной для себя вспышкой бешенства Касиан саданул кулаком по сетчатому колпаку лампочки, и по казарме заметались пляшущие тени. Тави вздрогнула и попыталась еще глубже зарыться в складки одеяла…

Касиан вышел из «Хаммера» сразу и добровольно, едва лишь разглядел в клешне одного из катафрактов противотанковый ракетомет «Пилум-2М», а вот Тави вылезать отказалась наотрез.

Наконец, один из варваров — тощий рыжеволосый тип с глумливой ухмылкой на лисьей морде — залез в «Хаммер» со стороны водителя и выпихнул Тави наружу. Она поскользнулась и упала прямо в снег. Глумливый тип заржал и тут же осекся, когда к Тави подошел пожилой, кряжистый мужчина в потертом камуфляжном анораке и зеленой бандане. Он протянул ей руку и помог встать. Потом жестом подозвал Касиана.

— Кто такие? — спросил он с мягким, певучим акцентом.

— Меня зовут Касиан, — быстро, без запинки ответил Касиан. — Я украл эту девчонку. Она — собственность очень богатого человека. За нее дадут большой вергельд. Если вы сохраните мне жизнь, я скажу вам, как связаться с ее хозяином.

Пожилой хмыкнул, огладил рукой седую бороду и слегка кивнул. Рыжий тип пнул Касиана сзади в подколенный сгиб, и Касиан рухнул на колени — в лужу, полную грязной талой воды и ледяной крошки. Брюки моментально промокли, и Касиана затрясло. Рыжий обошел вокруг него, сыто ухмыльнулся и занес приклад автомата.

— Хватит, — сказал кряжистый старик.

Рыжий с недовольной миной опустил свой древний «Калашников» с обмотанным изолентой цевьем.

— Я — Ираклий, — сказал пожилой. — Вы — мои пленники. О вергельде поговорим потом. А пока… — Он вытянул широкую мозолистую ладонь и Касиан трясущейся рукой вложил в нее ключи от «Хаммера».

Ираклий швырнул ключи рыжему и скомандовал:

— Этих двоих — обыскать и посадить в мою новую машину. Исполняйте, вахмистр!

В простенках между двухъярусными койками легионеров висели блеклые, выцветшие плакаты, за долгие годы утратившие и глянцевый блеск, и вызывающую пестроту красок. На большинстве плакатов красовались полуголые гетеры из «Плейбоя» и «Пентхауза», с огромными, явно силиконовыми грудями и толстогубыми похотливыми улыбками — секс-идолы имперского плебса, в том числе и доблестных легионеров-десантников, которые каждую ночь мастурбировали на этих скрипящих койках, видя в силиконовых гетерах куда более осязаемый символ Империи, чем все звездно-полосатые флаги вместе взятые.

На других, не менее многочисленных плакатах свирепо корчили рожи огромные мускулистые мавры с перебитыми переносицами и расплющенными ушами. Мавры были в гладиаторских перчатках, а на заднем плане обязательно пылали

электрическим сиянием арены Лас-Вегаса. Первобытная свирепость разукрашенных татуировками мавров соседствовала с блестящими хромом и никелем «Кадиллаками» и «Мустангами», несущимися по Великим Дорогам Империи. Судя по количеству плакатов с машинами, эти механизированные идолы были для легионеров предметом вожделения едва ли не большим, чем силиконовые гетеры…

Казарма 101-го воздушно-десантного легиона была чем-то вроде слепка подлинной культуры Старой Империи — культуры языческой, массовой, агрессивной; культуры, захлестнувшей Европу незадолго до Газавата; культуры великой и безвозвратно погибшей… И все потуги возродить ее после Реконкисты были так же смехотворны, как попытки возродить саму Империю — кем бы не мнил себя дофин в Давосе, а феодальный конгломерат, известный как Священная Шенгенская империя напоминал Старую Империю не больше, чем Ираклий — Великого Аттилу.

Касиан вытащил из кармана мобильник и задумчиво повертел его в руках. Рыжий вахмистр умел бить значительно лучше, чем обыскивать: перед тем, как затолкать Касиана в машину, он просто похлопал руками по его пальто, отнял и тут же выбросил бумажник с кредитками, и на том счел обыск законченным, прозевав при этом скальпель, записную книжку и мобильник викария. Первых два предмета Касиан уже использовал — без особого успеха; теперь настала очередь подарка викария.

Касиан включил мобильник и вызвал из памяти телефона единственный хранящийся там номер. Из всего следовало, что это был номер самого викария — у Верховной консистории телевидения был как опыт, так и средства для выкупа своих квестарей из цепких лап варваров, и если викарий сочтет историю Касиана достаточно интересной, у Касиана был шанс выбраться из этой передряги живым, богатым и знаменитым — ради чего, собственно, он и влез во всю эту авантюру…

Касиан нажал на повтор, но мобильник молчал. Сперва Касиан решил, что сели батарейки; но дело было в другом. Военный городок 101-го легиона Империи находился за пределами обитаемого мира; эта территория не была охвачена сетью сотовой связи или нанесена на карты автобанов — и находилась эта терра инкогнита всего в двух часах езды от Рурской промзоны.

Не считая трофейного «Хаммера» у варваров было всего две машины — старый армейский «Урбан-ровер» и «Джип-визигот» со снятой крышей и с установленным на станине пулеметом.

Касиана и Тави затолкали на заднее сиденье «Хаммера»; Ираклий сел спереди, а глумливый вахмистр, нахлобучив на голову облупленную голубую каску, уселся за руль. Первым под арку акведука нырнул и растворился во тьме «Урбан-ровер»; за ним двинулись мотоциклы с катафрактами; и только потом вахмистр медленно тронул «Хаммер» с места, поглядывая в зеркальце на замыкающий колонну «Джип».

Ираклий, баюкая в руках автомат вахмистра, обернулся к пленникам и сказал:

— Не вздумайте дурить.

Касиан промолчал, а Тави кивнула.

— Вы ведь нас не убьете? — спросила она.

— Посмотрим, — сказал Ираклий.

Следующие минут пятнадцать тишина в салоне «Хаммера» нарушалась только ровным урчанием мотора. За окнами не было ни единого огонька, и только изредка мелькали занесенные снегом усадьбы фермеров-латифундистов. Индустриальный кошмар промзоны сменился фермерскими цензивами так резко и быстро, что казалось, будто из Рура варвары сразу въехали куда-то на Балканы. В каком-то смысле, так оно и было: опустошенные вечной войной Балканы с каждым годом росли в размерах, наползая на Шенгенскую империю и превращаясь из понятия географического в политическое: сегодня Балканами считались Апеннины, а завтра — Альпы…

— Куда вы нас везете? — спросил Касиан.

— Тебе что, было мало? — ощерился вахмистр. — А ну заткни пасть!

— Тише, вахмистр, — сказал Ираклий. — Мы ведь собирались обсудить вергельд… Так?

— Так, — сказал Касиан, и тут Тави словно прорвало:

— Не продавайте меня ему, ну пожалуйста, не продавайте, не надо, лучше убейте!!! — У Тави началась истерика; она кусала кулаки и глотала слезы, затравленно глядя на Ираклия. — Он отправит меня в комнату боли!

— Кто — он? — спросил Ираклий.

— А вот здесь, — сказал Касиан, — вам не обойтись без меня.

— Кто хочет тебя купить, девочка? — ласково спросил Ираклий, игнорируя Касиана. — Кто эта богатая сволочь, которую ты так боишься?

— Она вам не скажет, — сказал Касиан.

— Инженер Моро, — всхлипнула Тави.

Вахмистр мерзко захихикал. Касиан медленно выдохнул сквозь зубы.

— А говорил — не скажет, — притворно удивился Ираклий, и

в этот момент Касиан вытряхнул из рукава скальпель и плавным движением приставил короткое лезвие к шее Ираклия.

— Сворачивай! — заорал Касиан вахмистру.

На левой щеке Ираклия, наполовину скрытое седой бородой, было клеймо Мицубиси; пока Касиан, будто цирюльник, держал Ираклия на лезвии скальпеля, он в деталях рассмотрел герб, проступивший на обветренной и загрубелой коже варвара. Он уже видел подобные клейма: их ставили всем сотрудникам японских дзайбацу, вводя под кожу иридобактерии. Раз в год, на обязательном медосмотре для всего персонала дзайбацу, клеймо облучали радиацией и бактерии засыпали — ровно на год. Беглый сараримен, преступивший кодекс канрёдо и предавший родную корпорацию, становился меченым через год после своего отступничества. Устроиться на работу такой человек шансов уже не имел… Клеймо предателя было невозможно вывести — частота усыпляющего бактерии излучения была государственной тайной дзайбацу, а когда Касиан попробовал сделать пересадку кожи, пациент умер от ретроверсии вживленного иммунодефицита; в дзайбацу умели стеречь своих людей.

Клеймо на щеке Ираклия говорило о нем больше, чем все голубые каски и автоматы Калашникова, разворованные со складов разных военных баз. Сараримен без будущего, потерпевший неудачу в строгом иерархичном мире японских корпораций; как следствие — ярый националист, вернувшийся в кровавое месиво родного Кавказа отстаивать интересы родного племени; чуть позже — полевой командир воинства Аттилы; еще позже — беглец и бандит, пересидевший Миротворческие походы в заброшенных шахтах Донбасса; сейчас — просто варвар, сколотивший племя из разномастного сброда, обитающего за пределами Священной Шенгенской империи и промышляющего грабежом и похищениями людей — в его войске можно было встретить и пиктов из Шин Фейн, и бандеровцев из Унсо, и татар из Крымской Орды, и янычар Аджалана, и четников Караджича… Тут было место всем, кто умел и любил грабить и убивать.

Когда вахмистр ударил Касиана по запястью, и тот, охнув, выронил скальпель, Ираклий подобрал его и меланхолично попробовал большим пальцем остроту лезвия.

— Врач? — чуть удивленно спросил Ираклий.

— Хирург, — прохрипел Касиан.

— Что ж… — Ираклий похлопал по плечу вахмистра, который, не отрываясь от дороги и даже не сбрасывая скорость, держал двумя пальцами правой руки Касиана за кадык. — Отпусти его. Он нам пригодится.

Из окон палаты на втором этаже был виден плац, весь в кляксах отливающего синевой снега, и покосившийся флагшток, облепленный мокрой звездно-полосатой тряпкой. Но в самой палате было тепло и даже уютно — особенно если сравнивать с первым этажом лазарета, где все окна были выбиты, и по коридорам гуляли ледяные сквозняки, вдоль стен громоздились ржавые скелеты коек, а на полу поблескивали лужицы талой воды. Касиан старался их обходить, но вахмистр то и дело толкал его прикладом между лопаток, и приходилось хвататься за плечо Тави, чтобы не упасть; Тави нервно вздрагивала всякий раз, когда он до нее дотрагивался…

На втором этаже были палаты для офицеров — по крайней мере, в этой, одноместной, наверняка поправлял здоровье какой-нибудь трибун или центурион «зеленых беретов». На стенах даже уцелели обои в кокетливый мелкий цветочек. В углу палаты стоял массивный медиа-алтарь, а на койке, на грязном полосатом матрасе без простыни гнил человек.

— Что с ним? — спросил Ираклий.

Касиан подошел к койке и брезгливо понюхал воздух. Пахло гангреной.

— Геморрагическая лихорадка Марбург, — сказал Касиан. — Синяя смерть, — добавил он для надежности.

Вахмистр то ли ойкнул, то ли вскрикнул, и, бросив автомат, рванулся к выходу, сбив с ног Тави. Ираклий попятился медленно, как бы нехотя — но не столько из стремления сохранить достоинство, сколько оцепенев от страха. Споткнувшись об упавшую Тави, Ираклий будто проснулся и с проворством, которое трудно было ожидать от такого кряжистого и неуклюжего тела, выскочил в дверь.

Касиан протянул руку и помог Тави встать. Потом он поднес палец к губам и прислушался. Когда стихла дробь шагов на лестнице, Касиан подошел к медиа-алтарю и опустился на колени.

— Что… что ты делаешь? — спросила Тави шепотом.

Маэсе Ордова когда-то рассказывал Касиану, что в языческой Империи алтари имели гораздо больше функций, чем любой из нынешних амвонов, созданных после буллы о Сети… Другое дело, что пользоваться этими функциями сегодня могли считанные единицы, и инквизиция делала все, чтобы эти единицы превратились в нули…

— Что ты делаешь? — спросила Тави в полный голос.

— Заткнись, — бросил Касиан через плечо.

Сперва ожил покрытый пылью экран алтаря, и потом из

матово-черного корпуса с легким щелчком выехала клавиатура размером не больше сигаретной пачки. Неуверенно вспоминая советы маэсе Ордовы, Касиан начал тыкать пальцем в податливо-мягкие кнопки, наблюдая, как меняются руны биоса на экране.

— Что ты делаешь? — закричала Тави, и Касиан ударил ее кулаком в живот. Тави согнулась пополам, судорожно хватая ртом воздух.

— Заткнись, — сказал Касиан.

Невероятно, но алтарь все еще был подключен к древней оптоволоконной сети. Путаясь в языческих рунах, Касиан по памяти набрал электронный адрес. Письмо должно быть кратким и емким, как поучал маэсе Ордова…

Вахмистр ударил Касиана в затылок. Касиан упал сразу, но сознания не потерял: просто тело его вдруг стало легким и мягким, как вата, и когда вахмистр заехал ему ногой по почкам, в глубине этого непослушного ватного тела полыхнуло острой болью.

— С-сука, — со страхом и ненавистью выдавил вахмистр, подбирая автомат и передергивая затвор. — Сука!!!

Касиан зажмурился, и вахмистр — со всей ненавистью человека, не умеющего ни читать, ни писать — длинной очередью от бедра разнес медиа-алтарь вдребезги.

В лазарет бросили связку термитных шашек, и пламя, взметнувшееся к черному небу, было видно даже из казармы. Отблески гигантского костра метались по сумрачному помещению, отбрасывая причудливые тени на блеклые постеры и облезлые стены.

— А теперь они сожгут нас, — невыразительно сказала Тави, уставившись в пространство. — Как чумных крыс. Разносчиков заразы.

— Сами они крысы, — со злостью сказал Касиан.

— Ты ведь соврал им про Марбург. Я знаю. Я видела. Инженер Моро экспериментировал с Синей Смертью. У того человека ее не было. А теперь нас сожгут… Как крыс.

— Сами они крысы, — повторил Касиан. — И на них найдется свой крысиный волк…

— Ты ведь меня предал, — сказала Тави и тут же поправилась: — Продал. Тогда, в машине. Ты был готов продать меня инженеру Моро. Ты для этого меня украл?

— Заткнись, — сказал Касиан.

— А иначе ты снова меня ударишь? — усмехнулась Тави.

— Нет, — сказал Касиан. — Иначе я тебя убью.

В глубине казармы, у входа что-то негромко звякнуло, а

потом заскрипела дверь. Касиан поднял с пола табурет и на цыпочках двинулся к выходу. В предбаннике казармы лампочек не было вовсе, а окна была забиты фанерой, и царила кромешная тьма, которую распорола бледная полоска света из-под наружной двери. Дверь открылась, впуская пляшущий свет белого термитного пламени и высвечивая темный силуэт в дверном проеме. Касиан взмахнул табуретом; но тень в тот же миг нырнула в помещение, растворяясь во тьме, и табурет с грохотом врезался в стену. Входная дверь захлопнулась, и в наступившей темноте Касиан остался один на один с незнакомцем. Секунду-другую Касиан не слышал ничего, кроме собственного дыхания и бешеного перестука в висках; а потом на плечо ему легла мягкая, но сильная ладонь, и очень тихий голос сказал ему прямо в ухо:

— Конбан-ва, Касиан-сан. Надеюсь, я не слишком задержался?

6

Над садом во внутреннем дворике туман лежал пластами: первый слой белесоватой дымки висел у самой земли, клубясь над матово-черной поверхностью пруда и окутывая обросшие зеленоватым мхом валуны; чуть выше, на уровне человеческого роста курилась вторая прослойка влажной мги, оседая мелкими капельками на резных перилах мостика, перекинутого через пруд и окружая тусклым гало пляшущий в каменном фонаре язычок пламени; и, наконец, высоко-высоко над черепичной крышей с загнутыми углами, запутавшись в кроне огромной криптомерии и в ржавых зазубренных кольях на вершине забора, трепетали под порывами ветра бесформенные клочья студеного, по-зимнему колючего тумана, состоящего уже не из капелек, а из тысяч мельчайших льдинок…

Ветер гудел в небе, как тяжелый бомбардировщик Халифата из тех, что во времена Реконкисты выжигали окрестности кассетными бомбами; но здесь, на дне двора-колодца, в традиционном японском садике, царила какая-то особенная, устоявшаяся за долгие годы и потому очень умиротворяющая тишина. Здесь вообще был иной мир: даже присутствие зимы здесь замечалось лишь в инкрустированной инеем коре криптомерии и пушистых белых гребешках на перилах мостика. Редкие снежинки, занесенные ветром в сад, бесшумно падали в черную воду пруда или таяли на полированном настиле веранды. От талой воды веранда блестела и в лунном свете казалась покрытой стеклом.

И это притом, что за массивными гидравлическими воротами аллода бушевала настоящая вьюга, и вынесенная за ворота кордегардия была уже почти полностью погребена под сугробами: только торчали из амбразуры стволы спаренного авиационного пулемета, да был расчищен от снега пятачок перед воротами, освещенный прожекторами, просматриваемый телекамерами и простреливаемый вышеупомянутым пулеметом.

Снаружи аллод Кисаки, пожалованный даймё Мицубиси своему верному хатамото Масамори-но-Нито, выглядел точь-в-точь как любой из соседних особняков, построенных местными купцами сразу после Реконкисты и выдержанных в стиле бункеров эпохи расцвета Империи; и только попадая внутрь, гость аллода мог оценить степень консерватизма японцев, возведших в сердце Европы точную копию японского дома эпохи сёгуната Токугавы…

Раздвижная дверь, ведущая на веранду, тихонько зашуршала

за спиной Касиана.

— Касиан-сама, — прожурчал нежный голосок. — Холодает, Касиан-сама.

Касиан обернулся. Похожая на куколку японка в розовом кимоно с желтыми цветами жутковато улыбнулась зачерненными зубами. Бледное наштукатуренное личико оставалось неподвижным, как маска смерти.

— Холодает, Касиан-сама, — повторила японка, складываясь в поклоне. — Хозяин просит вас вернуться в дом.

У самого капонира Тави споткнулась обо что-то, и Нито ловко подхватил ее под локоть.

— Осторожно, Тави-тян, — сказал он. — Здесь скользко.

Асфальт был весь покрыт разводами инея и пятнами чего-то темного и густого, как машинное масло.

— Нет, — сказала Тави. — Я не поскользнулась. Я споткнулась. Там что-то лежало… — Нито практически тащил Тави за собой, но она все же вывернулась и посмотрела назад.

Поперек дороги лежал вахмистр, изогнувшись с грацией человека, чей позвоночник был сломан как минимум в трех местах.

Тави вскрикнула.

— Тихо! — зашипел Касиан. Он шел вдоль обочины и видел уже шестерых пациентов Нито, похожих на сломанные куклы: именно поэтому Касиан старательно обходил лужи «машинного масла»…

— Не волнуйтесь, Касиан-сан, — сказал Нито. — Ее уже никто не услышит.

Касиан недоверчиво обернулся. Озаренная пламенем полыхающего лазарета имперская военная база лежала позади безмолвно и неподвижно. Касиан передернул плечами и решил больше не оборачиваться.

— Осторожно, шлагбаум, — предупредил Нито.

Они поднырнули под полосатое бревно и, миновав будку КПП, из которой торчали чьи-то ноги, оказались снаружи, на пустынной улице, возле припорошенного снегом «Хаммера». При виде шестиколесного броневика с разбитой левой фарой, вмятиной на бампере и паутиной трещин на лобовом стекле Касиан нервно рассмеялся.

— А это откуда? — спросил он, указывая на черные подпалины на капоте.

— Термит, — коротко пояснил Нито. — Надеюсь, вы здесь больше ничего не забыли?

— Нет, — мотнул головой Касиан.

— Тогда можно ехать, — сказал Нито. — Мне бы очень не хотелось, чтобы вы что-нибудь потеряли по моей вине…

— Я полагаю, — сказал Нито, — что это принадлежит вам.

На его протянутой ладони поблескивал скальпель. Нито держал его церемонно, как самурайский меч. Тави вдруг дернулась и прижала кулачки к груди.

— Можно… можно я его возьму? — робко спросила она.

Нито улыбнулся ровно настолько, насколько это ему позволяли омертвелые нервные окончания в лицевых мускулах, и вопросительно посмотрел на Касиана. Тот кивнул и украдкой перенес вес на другую ягодицу, морщась от острой боли в отсиженных щиколотках. Тави судорожно поклонилась, стиснула скальпель в ладошке и зачарованно уставилась на скрюченное деревце-бонсай в стенной нише.

Они сидели втроем около низенького столика в центре просторной комнаты. За спиной Касиана была небольшая жаровня, а перед ним — пиала с горячим чаем. Касиан пригубил чай и поерзал, стараясь придвинуться ближе к источнику тепла. Отбитые вахмистром почки все еще покалывало.

— Я очень признателен вам, Касиан-сан, — сказал Нито и согнулся в глубоком поклоне, почти касаясь лбом столика. Он замер в таком положении на несколько секунд, демонстрируя выбритый лоб и узел волос на затылке, а потом невозмутимо выпрямился и расправил плечи.

Касиан поперхнулся чаем.

— Вы предоставили мне неоценимую возможность восстановить справедливость, — сказал Нито и как бы невзначай разгладил складку на плече своего темно-синего халата китайского шелка — как раз там был вышит золотом герб Мицубиси.

Касиан заглянул в пустые глаза Нито Кисаки-но-ками-но-Масамори и вздрогнул, а потом резко потупился и стал изучать циновки на полу. Нито сделал вид, что ничего не заметил.

— Признаться честно, я был обеспокоен, когда вы обратились ко мне со столь… экстравагантной просьбой две недели тому назад. И, получив призыв о помощи, совсем не удивился и даже немного обрадовался. Я привык отдавать свои долги, Касиан-сан, — пояснил Нито. — Но вышло так, что я оказался в еще большем долгу перед вами…

В свои пятьдесят четыре года Масамори-но-Нито, самурай корпорации Мицубиси, ухитрился принять участие и выйти живым из практически всех вооруженных конфликтов,

захлестнувших Юго-Восточную Азию вскоре после падения Империи. Сингапурский инцидент и вызванная им Война Малых Драконов, Пятая Корейская кампания и Битва за Тайвань, Тихая Война и подавление Цзюлунского Мятежа, двенадцать рейдов в Золотой Треугольник — все эти эпизоды послужного списка Нито принесли ему десятки ранений и боевых имплантов, а также головокружительную карьеру от простого пехотинца-асигару до приближенного к сёгуну хатамото. Нито прочили на роль самого сёгуна, но с наступлением временной стабилизации в регионе военное правительство «бакуфу» упразднили, власть над корпорацией Мицубиси перешла в руки даймё, а опальному самураю-хатамото пожаловали аллод в самом сердце сонной старушки Европы и мизерную пенсию, которой не хватало даже на ежегодный профилактический медосмотр у цеховых хирургов.

Но так как боевые импланты имеют свойство со временем приходить в негодность, разрушая мышечные и нервные ткани носителя, Нито был просто вынужден искать помощи у хирурга подешевле. Медосмотр (который Инга, ассистировавшая Касиану, называла не иначе как техосмотр) и удаление тех биоэлектронных органов, которые перестали нормально функционировать, спасли Нито жизнь и позволили частной клинике Касиана встать на ноги и обзавестись кое-какой клиентурой. Касиан считал это адекватной оплатой своего труда, тем более что восстановить лицевые нервы Нито ему так и не удалось; но Нито Кисаки-но-ками-но-Масамори считал иначе.

Именно он вывел Касиана на синоби две недели назад; он же вытащил его и Тави из варварского лагеря; и теперь он заявлял, что находится еще в большем долгу перед Касианом… Об этом следовало подумать и это следовало использовать; но в данный момент Касиан был неспособен ни на то, ни на другое — у него слипались глаза, и монотонное побрякивание сямисэна, звучавшее в комнате, действовало на него гипнотически…

— Вы избрали тяжелый путь, Касиан-сан — путь ронина, путь самурая без господина, — сказал Нито. — Вы думали, что этот путь приведет вас к свободе. Но в нашем мире свободен лишь тот, у кого есть могущественный покровитель. Поэтому путь ронина — это путь к гибели.

Касиан тупо кивнул.

— Но вы, должно быть, устали, Касиан-сан, — сказал Нито. — Для вас приготовлена ванна и постель. Морико-кун вас проводит…

Пробормотав слова благодарности, Касиан с трудом встал, распрямив затекшую спину, неуклюже поклонился и поковылял

следом за шуршащим кимоно чернозубой куколки.

От усталости его слегка мутило, и он бы наверняка заплутал в лабиринте полуосвещенных коридоров и раздвижных экранов, если бы не служанка. Маленькая японка уверенно шуршала впереди, прокладывая дорогу, и Касиану оставалось только не упускать из виду покачивающиеся никелированные спицы в ее прическе.

После очередного поворота японка дважды хлопнула в ладоши, и комната озарилась мертвенно-бледным неоновым светом. Комната была большая, разделенная на две половины потолочной аркой: слева стояла скамейка, и в стену были врезаны шкафчики для одежды, а пол был устлан кедровыми плашками; а справа, за аркой, были душевые кабинки и облицованные небесно-голубым кафелем стены. В глубине комнаты был дверной проем, и оттуда, словно из преисподней, тянуло теплом и паром.

Морико замерла возле шкафчиков, всем видом выражая готовность помочь Касиану раздеться. Касиан покачал головой и жестом отослал служанку. Когда она выскользнула за дверь, Касиан, скривившись от боли в спине, стащил пиджак и дохромал до шкафчика. Он повесил пиджак на крючок, и из внутреннего кармана выпал мобильник.

Касиан поднял его и задумчиво покачал на ладони. Потом оглянулся на дверь, присел на скамейку и набрал номер.

— Господин Моро? — спросил он. — Это Касиан. Я бы хотел обсудить условия…

— Условия принимаются, — басисто сказал инженер Моро. — Любые. Оставайтесь там, где вы есть. Йенсен подберет вас через… ммм… полтора часа. И не вздумайте дурить, Касиан. У Йенсена на этот счет будут очень четкие инструкции. Если Тави там не будет, вы об этом пожалеете.

— Хорошо, — сказал Касиан. — Спасибо, господин Моро.

Он сложил телефон и поднял взгляд. В дверном проеме, ведущем к ваннам, стояла Тави. Мокрые волосы падают на лицо, руки нервно мнут и комкают махровое полотенце, искалеченное тельце выглядит еще более беззащитным и некрасивым в своей наготе. Касиан сглотнул.

— Какой же ты урод, — сказала Тави.

Она уронила полотенце, развернулась и растворилась в клубах пара. Касиан тупо посмотрел ей вслед, встал и пошел к выходу.

Матрас был на удивление жестким, а обтянутый войлоком чурбачок на роль подушки подходил чисто символически. Но Касиан и не собирался спать: сунув руки под голову, он уставился

потолок и стал ждать, пока пройдет час. Но в доме было темно и тихо, и сон, крадучись, проскользнул под отяжелевшие веки, сделал секунды тягучими и длинными, а темноту густой и плотной. Часы под ухом тикали размеренно и ровно, как метроном.

Касиан почти уснул, когда за стеной ахнуло глухо, и донесся короткий женский взвизг. Сорвавшись с матраса, Касиан вскочил и тут же рухнул на пол, свернувшись клубочком и накрыв голову руками: в коридоре что-то тихо застрекотало, и в перегородке из рисовой бумаги появился ряд маленьких аккуратных дырочек.

Потом раздался нарастающий вой, похожий на звук падающей авиабомбы, и сразу со всех сторон громыхнуло страшно, и затрещали рейки, проломленные силой одного только грохота. На мгновение вспыхнул ослепительно яркий белый свет, и снова раздался тихий стрекот, а сразу же — совсем рядом — взорвалась граната, и языки пламени ворвались в комнату сквозь прорехи в бумажной стене. Тлеющие обрывки бумаги кружились в воздухе, как светлячки, падая на циновки и умирая…

Касиана перевернули ногой и ткнули еще горячим глушителем в лицо, разводя скрещенные руки.

— Он? — спросил кто-то.

— Он.

Ответивший присел, снял каску и стащил респиратор. На его бронежилете была эмблема: пацифик в обрамлении дубовых листьев.

— Где она? — спросил цензус.

— В ванной, — сказал Касиан.

Его подняли с пола и повели вперед. Рослый квартальер придерживал его за шиворот, не давая упасть, а цензус говорил своим мягким спокойным голосом.

— Мы же предупреждали, что будем следить за вашим прогрессом. Но вы, похоже, решили нарушить условия нашего договора. Неужели вы хотите, чтобы все ваши усилия канули втуне? Патер Сальватор был бы очень недоволен… Здесь куда?

— Направо, — сказал Касиан.

Они прошли через раздевалку и спустились в ванную комнату. Тави сидела в глубокой деревянной бадье, запрокинув голову и свесив одну руку наружу. Давно остывшая вода в бадье была розового цвета. В пальцах Тави, сведенных судорогой, каким-то чудом держался скальпель.

— Пакуйте ее, — распорядился цензус.

Когда квартальеры уехали, забрав с собой тело Тави в прорезиненном мешке на «молнии», Касиан еще какое-то время

просидел в ванной, на мокром и скользком полу, в луже светло-розового оттенка, машинально вертя в пальцах скальпель.

Потом он встал и пошел в сад. Лабиринта коридоров больше не существовало: Касиан шел напрямик, и под ногами у него хрустели сломанные рейки, битое стекло и бумажные цветы. В гостиной, где их принимал Нито, жаровня была опрокинута, и от рассыпавшихся углей занялась раздвижная дверь, ведущая на веранду. Отсыревшая бумага горела плохо, и в комнате было полно дыма. Касиан попытался открыть дверь, но она перекосилась в пазу, и тогда Касиан просто выбил ее ногой и вышел наружу.

Здесь было очень холодно, и веранда была покрыта тонким ледком. Перильца у мостика были сломаны, и в каменном фонаре погас огонек. Касиан спустился по скользким ступенькам и ступил на присыпанную снежком гравиевую дорожку. Гравий колол ноги через мокрые носки. Касиан поднялся на мостик и опустил взгляд.

В черной воде пруда плавал труп Нито Кисаки-но-ками-но-Масамори, сжимая одной рукой меч, а другой — ряд маленьких дырочек в груди, над которыми клубились столбики крови. Лицо у Нито было до крайности удивленное.

Касиан запрокинул голову и посмотрел в небо. Из пепельных облаков все еще сеяло мелкими колючими снежинками, но ветер стих и больше не гудел страшно и зло. Вьюга улеглась. Касиан закрыл глаза и подставил лицо под холодные поцелуи снежинок.

Сперва раздался тихий рокот, а потом сквозь закрытые веки полоснуло резким светом, и Касиан с сожалением открыл глаза. Черный силуэт вертолета, хищный и узкий, завис над садом, шаря по земле лучом прожектора. Касиан поднял руку, заслоняясь от режущего света, и вертолет пошел на снижение, взбивая лопастями стылый утренний воздух и воскрешая в саду ночную вьюгу — такую же холодную и злую. На кокпите вертолета виднелась гончая в прыжке…

Касиан поежился, сунул руки в карманы и стал ждать, когда вертолет приземлится.

Житомир, 2003–2007 г.

Web: http://antonfarb.com
E-mail: afarb@ukr.net
Телефон: +38-050-463-10-81
Skype: anton.farb